АНАТОЛИЙ
ТОСС
ДО
ЭКСТАЗА...
И ПОСЛЕ
18+
У КАЖДОГО СВОЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Анатолий Тосс
До экстаза… и после (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8639834
До экстаза… и после / Анатолий Тосс: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-087915-1

Аннотация

В этот сборник вошли романы Анатолия Тосса «Попытки любви в быту и на природе» и «Женщина с мужчиной и снова с женщиной», которые он отнес к серии легкомысленных.

В них много хорошего настроения и приколов, курьезов и любовных перипетий. Порой герои не ищут легких решений и пытаются дотянуться правой рукой до левого уха. Но кто сказал, что это глупо?! Ведь левая рука в это время может обнимать талию красивой девушки!

Содержание

Попытки любви в быту и на природе 5
Глава 1 5
Глава 2 23
Глава 3 42
Глава 4 69
Глава 5 75
Глава 6 96
Глава 7 137
Конец ознакомительного фрагмента. 145

Анатолий Тосс
До экстаза… и после (сборник)

© Тосс А., 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014

* * *

Попытки любви в быту и на природе

Глава 1
За трое суток и четыре часа до кульминации

– А знаете ли вы… – Илья БелоБородов обвел нас – меня и Инфанта – выжидающим взглядом. – Так вот, знаете ли, что если женщина вошла в сексуальное отношение с партнером, но так, что ни партнер, ни это отношение ей не понравились… – Он выдержал театральную паузу. – То она считает, что их обоих, ни партнера, ни отношений, в ее жизни не было. Вообще ничего не было.

– Чего? – не понял я.

– Конечно, знаю, – в противовес мне возразил Инфант.

Он выглядел грустным сегодня и еще мрачным. Впрочем, грустным и мрачным он выглядел в последнее время почти всегда. За это мы его и жалели любя. Хотя и не только за это. Его было за что пожалеть.

– Конечно, – повторил Инфант. – Кто ж не знает? Известный всем факт. – И он погрустнел еще заметнее. Недаром

ведь где-то написано было про Инфанта, что знание почти всегда рождает в нем печаль.

– А я не знал, – признался я. – Я вообще не до конца понял, чего ты тут сказал. Потому что ты слишком замысловатый для меня, слишком вычурный. Кто такие «сексуальные отношения», как «войти» в них, как «выйти»? Да вот еще слово «партнер» откуда-то возникло. Как будто мы в теннис собрались играть. Давай проще, стариканчик, не учебник ведь составляешь, не на кафедре заседаешь. Надо ближе к массам, Б. Б., ко мне, в смысле. Доходчивее надо.

– Могу и доходчивее, – согласился Илюха и тут же предупредил: – Ты только сосредоточься, Розик, напряги себя, попробуй не упустить со второй попытки.

Он снова выдержал паузу, я сосредоточился и выдержал ее тоже. Даже Инфант выдержал.

– Короче. Если женщина с кем-то потрахалась и ей не понравилось, то она считает, что она ни с кем не трахалась. В смысле, что вообще факта такого не происходило. И человека, который ей все это устроил, она тоже не особенно помнит. Может, он и встречался где-то, а может, и нет.

– Невероятно! – не поверил я своим ушам. – Откуда ты знаешь, Б. Б.?

– Интересовался, – подтвердил Илюха. – Людей разных расспрашивал. Такой, знаешь, научный статистический опрос проводил.

– Как такое может происходить? – недоумевал я. – Ведь

если было, то как ни крути, все равно – было!

– Может, запросто может, – печально пошевелил губами Инфант. Но мы на его губы не смотрели.

– Это для тебя, Розик, происшедшее в прошлом навсегда незыблемым становится. Потому ты и к жизни плохо приспособленный. И ошибки свои прежние и недочеты так за собой и волочешь, надрываясь от тяжести, – обращаясь ко мне, пустился в трезвые рассуждения Илюха. Так как, когда в его организме алкогольная концентрация разжижалась, его тянуло трезво порассуждать. – А вот для тех, кто устроен оптимальнее тебя, для женщин, иными словами, для них если не понравилось, то и не было вовсе. То есть ни ошибок, ни недочетов. И волочить нечего, и надрываться не надо. И память от прошлого только отличная остается. Прозрачная, никакой накипью не замутненная.

– Нет, не верю я тебе. – Я даже покачал головой. – Ты сам все это придумал, прямо сейчас, здесь, с ходу. Нет у тебя никакой статистики, сфабриковал ты ее. Потому что не бывает такого! Забыть неприятное человек, конечно, может постараться, более того, его даже тянет забыть. Но вот вычеркнуть полностью, считать, что самого факта такого не существовало, – такого нормальный человек не умеет. Йог какой-нибудь, может, и умеет, а вот нормальный человек – нет.

– Как с ним можно серьезные вопросы обсуждать! – посетовал на меня Инфант, но снова мрачновато. Впрочем, никто на него не отвлекался, ну что с него, с мрачного Инфан-

та, возьмешь, кроме тяжелых вздохов и потухшего взора.

– Послушай, к чему нам впустую аргументами перебрасываться, – предложил мне Илюха. – Возьми поставь эксперимент. Поговори с людьми, порасспрашивай их, но только тех, кто искренен с тобой готов быть. И лукавить не будет. А лучше всего тех, у кого ты не самые удачные воспоминания о себе оставил. Ведь наверняка не всем женщинам ты безоговорочно подошел, ведь должны найтись и такие, которым ты не пришелся. Вот и позвони им и спроси, помнят ли они еще, что между вами когда-то происходило? Да и самого тебя помнят ли? Вот и проверишь мою несложную мысль.

– Правильно, – согласился я. – Это вообще полезно – периодически наведываться по старым адресам и телефонам. Для профилактики полезно. Так сказать, инспектировать тылы. Все ли в достатке, накормлены ли, обуты, одеты ли в теплое? Потому что если внезапно возникает необходимость в прицельных точечных ударах с последующими зачистками, то ухоженный, ладный, хорошо оснащенный тыл с лихвой компенсирует все прежние наши затраты.

– Кто такая «лихва»? – печально вмешался с вопросом Инфант, но мы ему с Илюхой не ответили, мы только переглянулись понимающе. Потому как он чудил так невесело, наш Инфант.

Итак, мы сидели в Инфантовой комнате на какой-то Тверской-Ямской, втроем сидели – я, Илюха Белобородов (ко-

торого мы для краткости фамилии порой звали Б. Бородов, а порой и просто Б. Б.) и Инфант. И для тех, кто Илюху с Инфантом в жизни не встречал, я сейчас быстренько их опишу. Буквально в несколько абзацев.

Например, Илюша, которому некоторые молодые женщины вставляли для мягкости мягкий знак в его и так нетвердое имя, так что получалось совсем ласково «Ильюша»… Так он вообще воспринимал жизнь как пчелка, приноравливающаяся присесть на горячий от жаркого летнего солнца цветок.

Все у нее так и ходит, так и движется от пьянящей близости нектара. Вот она зависла над бутоном, крылышки едва подрагивают от возбуждения, усики колышутся в нетерпении, многочисленные ножки мелко перебирают воздух, готовясь ощутить под собой нежную поверхность лепестков. Даже попка ходит в близком предвкушении.

Вот так же остро чувствовал жизнь и Илюха. Особенно если она пахла неизбежным нектаром, особенно если он готовился на нее присесть, особенно когда выпивал бокальчик-другой красного французского вина. Тогда глаза его начинали лучиться неестественным, почти наэлектризованным светом, голос вибрировал подмывающим весельем, а заковыристые мысли бодренько выскакивали из головы и далеко забегали вперед, обгоняя всех остальных.

Или если искать другое образное литературное сравнение, то скажем, что Илюха всегда находился на посту. Двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, как сейчас гово-

рят. Совсем как недремлющий дракон из народной сказки, охраняющий принцессу. Только Илюха никаких принцесс не охранял, скорее наоборот.

Вот помните революционный фильм про Чапаева? Там все так печально закончилось лишь оттого, что заснули часовые, сторожившие рабоче-крестьянский штаб. А белые их оплошностью воспользовались и одной темной ночкой коварно ухитрились спугнуть легендарного комдива в одних кальсонах в холодную речку. Которую ему, увы, переплыть не удалось.

А все потому, что не было среди чапаевских орлов Белобородова. Хотя и Илюху тоже бы, наверное, сморило от однообразия военных будней. И он тоже, укрывшись легкой шинелькой, прикорнул бы на сыроватой земле, плотно прижавшись для согрева к другим вооруженным рабочим и крестьянам. Но в отличие от рабочих и крестьян, он все равно оказался бы вовремя на посту и без заминки дал отпор подло крадущимся белякам – выстрелил бы чем придется или еще как-нибудь просигналил.

Я так и вижу его лежащим вповалку с остальным революционным дозором – темно, не видно ни зги, лишь мутный свет луны отражается на примкнутых к винтовкам штыках да легкий храп низко стелется по земле. И Илюха с самого края. Спит-то он спит, но я знаю, зрачок отслеживает местность, ноздри чуют воздух, ухо лакирует источник звука, и даже короткий ус подергивается, напоминая о хрупко-

сти боевой обстановки.

И спасся бы Чапаев, и не оказалось бы в результате черно-белой киноклассики, и анекдотов в отечественном фольклоре поредело бы до обиды. Так что как ни крути, прав был Иосиф Виссарионович, говоря, что кадры решают все. В конце концов, кому, как не ему, было знать про кадры, которые он, кстати, сам и «решал» время от времени.

Илюха, впрочем, не только мог надежно спать на посту. Он мог, например, пылко любить на нем женщину или, наоборот, неумеренно потреблять французское красное правильного года разлива. Но все равно пост, какой бы он в данный момент ни был, не бросал и бдительность демонстрировал постоянно – так и сверлил окружающую жизнь своими живыми, не теряющими неестественного голубоватого блеска глазками. И при этом с поста и мне, и Инфанту сигналил, как мог.

Про Инфанта тоже надо бы объяснить подробно. Но я сейчас ради динамичности сюжета в него внедряться особенно не буду. К тому же сколько в него ни внедряйся, пусть даже с разных сторон, а все равно как следует не внедришься.

Потому что Инфант не только в чем-то был похож на страну Россию, которую, как известно, «умом не понять», но и вообще напоминал целую Вселенную. В том смысле, что чем глубже в нее заберешься, тем больше бесконечности вокруг тебя остается. Хотя если все же про Россию и про Все-

ленную подробнее, то Инфант напоминал их только с точки зрения своей непознаваемости. Во всем остальном – и внешне и по характеру – он сильно от них отличался.

Я про него и в предыдущих книжках пояснял, и в последующих не раз буду. То есть вместо того чтобы писать отдельную монографию по Инфанту и издавать ее небольшим тиражом, предназначенным только для узких специалистов, я вставляю отдельные главы по изучению Инфанта в длинный перечень книг и предназначаю их для массового читателя. В конце концов, про Инфанта многим может быть познавательно. А для кого-то и полезно. Глядишь, иной читатель и в себе лучше начнет разбираться.

Сейчас же для краткости я только скажу, что на первый взгляд Инфант казался человеком непонятным. А на второй взгляд – еще более непонятным. Хотя некоторыми, опять же молодыми женщинами, особенно теми, кто был хорошо гуманитарно образован, Инфант именно за свою непонятность становился порой неповторимо любим. Некоторыми, но немногими. И если и оказывался порой, то порой – редкой и трудной.

Так вот мы сидели, и я все думал: кому же позвонить, чтобы проверить правильность Илюхиной теории? Ну, о том, что женская память избирательна. И избирает только того, кого ей нужно. А кого не нужно – того исключает.

Я долго перебирал имена, телефоны, сомневался, а потом

понял – надо позвонить Жеке.

– Зачем Жеке? Что она о нас нового может сказать? Мы уже давно ею изучены вдоль и поперек, особенно ты, – удивился Илюха, развалясь на кресле, на котором и сидел.

– Ну, во-первых, – возразил я, – потому что Жека самая что ни есть женщина. Эталонный образец, мерило, единица измерений. Выше ее по женской линии мало кому удается забраться. И почему бы нам не обратиться за мнением посредственно по адресу? К самому, так сказать, первоисточнику? Пусть выскажет мнение: разделяет ли она твою мысль или нет? К тому же Жека не только в жизнь проницательно вглядывается, но она вилять и лицемерить не станет, не в ее характере. Скажет все, как есть.

Тут я сначала выдержал паузу, а потом добавил еще один аргумент:

– А тот факт, что мы когда-то находились с ней в определенных двусмысленных отношениях… Ну что ж с того? Главное, что они со временем переросли в крепкое взаимное товарищество, даже больше – в дружбу. Ведь когда одно перерастает в другое, когда все тесно внутри переплетается, тогда корни самые крепкими получаются. Так что для объективности опроса это даже хорошо, что мы с ней теперь в неразлучных платонических ладах. С кем, как не с нами, ей откровенной быть?

– Кто такие «лады»? – попробовал было снова вставить Инфант, но я уже звонил, и она уже на звонок ответила.

– Привет, Жек, – сказал я, переводя телефон в режим «громкой связи», чтобы всем в комнате было слышно, не только мне.

– А, приветик, – узнала она меня буднично и тут же отвлеклась куда-то в сторону от трубки.

– Ты чего, занята? – деликатно поинтересовался я.

– А?.. – спросила она уклончиво, из чего я догадался, что занята. Такое ощущение создавалось, что кто-то рядом с ней находится, кто-то из тех, кому мой мужской голос слышать было совсем не обязательно.

– Слушай, Жек, мы тут с Илюхой у Инфанта…

– Ну это понятно, – вставила она, но я не обратил на ее реплику никакого внимания.

– …И вот какой вопрос возник. Было высказано мнение, что женщина, если ей любовный процесс не понравился, считает, что никакого процесса не было и в помине. И человека, который ее в процесс вовлек, не было тоже. Что вообще ничего ни с кем не было. Вот мы у тебя как у первоисточника и хотим узнать: правильное это утверждение или нет?

– Постой, постой… – тормознула меня заинтересовавшаяся Жека. – Дай подумать. Если, говоришь, мне не понравилось, то и не было ничего, значит… Здорово получается. И просто-то как. И как жизнь облегчает…

Раздалась пауза, я ее не перебивал.

– Это вы там у Инфанта такое придумали? – вдруг вставила в наш диалог посторонний вопрос Жека.

– Ну да, – пожал я плечами, хотя она этого и не увидела.

– Нескучно вам жить, как я погляжу, если вас чистая теория так глубоко по вечерам донимает, – раздалось из громкой телефонной связи. – Тут вот с практикой никак не разберешься, бьешься над ней, бьешься, окаянной, а все без толку. На теорию просто ни времени, ни сил не хватает. Ну подожди, дай сосредоточиться, а то тут отвлекают все…

И видимо, она зажала трубку ладошкой, но мы все равно услышали.

– Да постой ты, – шептала кому-то Жека в сторону. – Не напирай так. И не тыкайся. Прекрати немедленно тыкаться! Посиди одну минуту спокойно.

Тут мы все в комнате переглянулись между собой, но так ничего и не сказали, не посоветовали. Да и что тут посоветуешь, когда в живого человека тыкаются почем зря, к тому же во время ответственного телефонного разговора.

– Знаете что, – наконец освободилась Жека. – Я вообще всех своих прежних сейчас как-то с трудом помню. Даже тех, с кем вроде и неплохо было. А все потому, что полоса у меня неудачная, что-то не везет мне на нормальных ребят уже давно. Все одни придурки попадаются. Вот и подзабыла я, как оно по-настоящему бывает.

Тут она снова прикрыла ладошкой трубку, но мы снова через ладошку разобрали:

– Да говорю тебе, не налегай так. Не видишь, что я по телефону говорю. – А потом снова нам в телефон: – Ну что,

еще вопросы имеются? А то мне некогда особенно.

Но Жеке пришлось потерпеть со своим «некогда». Потому что вопросы у меня имелись – важные, принципиальные вопросы.

– Подожди, – попробовал я зайти с другой стороны. – Вот, например, если взять меня. Ты меня помнишь?

– Чего? – ответила Жека изумленно. – А зачем бы я тогда с тобой разговаривала, если бы не помнила?

– Нет, не просто сегодняшнего телефонного «меня», – начал пояснять я. – А «меня» из твоего прошлого, когда ты щедро делила со мной часть себя. А я с тобой – часть себя. И равнозначный обмен получался, потому что делились мы, заметь, лучшими своими частями, не припрятывая их, не экономя ни на чем, не припасая ничего для других. Так вот ты про это отчетливо помнишь или позабыла?

Комнату снова заполнила пауза. Длинная, тягучая, обидная пауза из безразличной «громкой связи». Откуда она взялась, с чем была связана? – я не знал. А что, если вдруг Илюха оказался прав и Жека ничего не помнит о нашем взаимном прошлом? Я даже стушевался от такой неловкой мысли.

– Ну, мы с тобой любовью занимались, и не раз притом. Помнишь? – повторил я настойчиво. – И тебе нравилось вроде бы. Во всяком случае, ты так тогда говорила.

– Ой, ой, ой, нашел чем хвастаться, – наконец разнеслось из трубки. – Как будто он один такой…

У меня прямо отлегло тут же. Я сжал и тряхнул кулаком

в скупом победном жесте, и выдохнул облегченно в комнату: «Помнит!»

А тут Жека еще раз зажала трубку. Но непроницаемо плотно у нее опять не получилось, и к нам в комнату сквозь ее ладошку снова просочились заглушенные звуки:

– Да что же это такое? Что же за напасть такая? – говорила она сердито в сторону. – Ты можешь не напирать так и не тыкаться, а посидеть спокойно? Господи, что ж мне так не везет?!

А потом снова нам, без ладошки, уже в «громкую связь»:

– А вообще-то жалко, что вы без меня до такого додумались. Жалко, что я сейчас не с вами у Инфанта. Ну что поделаешь, – вздохнула она, – каждому свое, кто-то ведь должен отрабатывать по полной, когда у остальных смена закончилась. Ладно, я вам перезвоню. У меня такое ощущение, что совсем скоро уже.

– Ты, главное, хвостик свой оберегай, – стал напутствовать я трудоголичку Жеку. – Он ведь, насколько я помню, когда ему не в кайф, поджимается, бедненький. Он ведь, когда не уверен… – начал было я, но она уже повесила трубку.

– Б. Б., – сказал я Б. Бородову, – не оправдался ты вместе с твоей теорией. Народ тебя вчистую опровергает, вон, Жека меня запросто вспомнила.

– Да это потому, что ты неправильно опрос общественного мнения проводишь, – заспорил Илюха. – Мы ведь дого-

варивались только тем звонить, кому ты не вмастил своим умением. Ну, тем, с которыми сильная рассогласованность произошла. А то нашел кому звонить – Жеке. И вообще, старикашка, не надо тебе эксперименты проводить, потому что на деле ты хреновый экспериментатор получаешься. Субъективный слишком. Пускай вон другие тебя заменят. – И Илюха кивнул на Инфанта. – Ну-ка, Инфантище, подмени товарища у станкового пулемета. Позвони кому-нибудь, но только тому, кто не вспоминает тебя добрым словом. Кому ты в утренних, сладких, эротических снах совершенно не приходишь.

И Инфант взял трубку и тяжело задумался. Наверняка ему было из кого выбирать, вот он и перебирал кандидатуры по памяти. А перебрав, стал набирать номер громкой телефонной связи.

По номеру долго не подходили, но Инфант терпеливо ждал и дождался результата. А дождавшись, начал разговор. Но те, которые слышали Инфанта, знают, что разговор он ведет туманно. А порой – густо туманно, непроницаемо туманно, как будто ты ранним утром в низине, трава по пояс и река неподалеку.

– Ну что… – проговорил он в телефон, когда линия соединилась, а потом тяжело вздохнул. Туда же, в телефон.

– Кто это? – поинтересовался женский голос в трубке, который нам с Илюхой ничего совершенно не напоминал. Вообще никаких ассоциаций. Голос был спешащий, види-

мо, мы его тоже от чего-то оторвали. Неужели все девушки по вечерам так озабоченно заняты? Или мы звонили только таким?

– Это я, – отозвался Инфант, но слабо отозвался, как бы не веря в удачу.

– Кто «я»? – не поняла женщина в телефоне. Видимо, ей было не до шарад с ребусами, она, очевидно, опаздывала куда-то по важным неотложным делам.

– Ну я, – уклончиво настаивал Инфант, и теперь женщина задумалась, вспоминая, по-видимому.

– Ой, Петь, это ты? – вспомнила наконец она, и голос у нее заметно потеплел. – Ты чего так долго не звонил, куда запропастился? – И голос потеплел еще заметнее. – А я уж волноваться стала, думаю, может, с ним чего стряслось, может, не понравилось чего? Может, он меня запрезирал? Потому что я вообще-то, Петь, совсем другая, ты не обобщай по первому-то разу. Я обычно ничего такого себе не позволяю, особенно поначалу. Я просто, Петь, как-то так сразу к тебе почувствовала, знаешь, там, внутри, как почти никогда раньше не бывало. Потому что, Петь…

Она стрекотала, а я слушал и думал: надо же, неужели Инфанта можно с кем-то перепутать? Ну у кого еще может быть такой грустный, печально дребезжащий голос? Как будто в привозном мюзикле его наняли исполнять уже приевшуюся арию «оперного фантома», но только без слов. Ну действительно, неужели где-то по городу бродит некий Петя, ко-

торый звучит так же причудливо, как наш Инфант? Или это «громкая телефонная связь» так безжалостно искажает?

– …Ну так что, Петь, может, заедешь все же? А? Хочешь, хоть сегодня, ведь совсем не поздно еще. А то я просто извелась вся здесь одна. Так как, Петь? Садись на свои «Жигули», ты же у меня лихой, и всего через полчаса… – Тут она звучно сглотнула накопившееся в горле. Может, дыхание, а может, волнение. – А я уж постараюсь… уж не как в прошлый раз… я уж…

Но тут у Инфанта что-то не выдержало в организме, и он, несмотря на наши умоляющие взгляды, прервал поучительный женский монолог. А зря, ведь он был красноречив, он был о любовной тяге, о желании, о страсти да и о плотности жизни в целом! Просто целая серия зарисовок у нас перед глазами замелькала.

Но и Инфанта можно было понять: ведь не о тяге к нему произносился этот монолог. И не о страсти к нему. И не о плотности его жизни. Да и звали его не Петя, а совсем наоборот – Инфант. И вообще, он в жизни и так нередко страдал от женской неразделенности, а здесь его к тому же откровенно мордой и прямо… в Петю.

– Нет, – честно, хотя и напрасно, сознался Инфант, – это не Петя. Это я, Инфант.

И он снова тяжело вздохнул.

– Кто? – переспросил голос, который сначала показался сильно ошарашенным, а потом тут же снова заспешил,

не предвещая ни продолжительного, ни доброжелательного разговора.

– Инфант… – подтвердил Инфант уже совершенно обреченно.

Я взглянул на него, склонившегося над трубкой. Может, зря, подумал я, может, ни к чему этот звонок. Потому как для меня душевное благополучие моего Инфанта было куда как важнее, чем любая белобородовская теория. Потому что Инфант – не какой-нибудь Джордано Бруно, в конце концов, и не должен он гореть на огне женской инквизиции ради научных теорий. Пусть даже самых смелых и отчаянных.

Я уж хотел прекратить Инфантовы истязания, но не успел.

– Кто-кто? – не разобрался женский голос в трубке.

– Му-у-у… – не выдержав пытки, промычал в трубку Инфант. Во-первых, потому, что не знал, как по-другому о себе напомнить, а во-вторых, потому что он вообще так обычно чудил, наш Инфантик.

– Ах, так это ты… – сразу догадалась Инфантова абонентша. – Тебе чего, а то у меня рыба на сковородке подгорает. – Потом она еще задумалась, но совсем коротко. – И вообще, знаешь, – сообщила она голосом, который просто на глазах набирал силу и уверенность, – не звони мне больше, у меня и без тебя дел по горло.

– Никогда? – попытался уточнить педантичный Инфант, но не успел. Так как ответом ему раздался сначала щелчок брошенной трубки, а потом почти сразу короткие, безраз-

личные, совсем не похожие на женский голос гудки.

Мы все замолчали, а Инфант особенно интенсивно. Чего-то, похоже, ничего у него не выходило сегодня.

– Бывает, – утешил я Инфанта. – К тому же рыба на сковородке… Серьезная вещь, куда нам против рыбы.

– Да… – покачал сочувственно головой Илюха, – не получается опрос общественного мнения. Не хочет общество опроса. Ни твоего, Розанчик, не хочет, ни твоего, Инфантище.

И мы помолчали снова.

Глава 2
За трое суток и два часа до кульминации

– Б. Б., – сказал я принципиально после паузы, – получается, что твою теорию невозможно доказать на практике. А значит, она не практичная.

– Что не означает, что не верная, – не согласился Илюха. – Вот, например, теорию «эволюционного происхождения видов» Чарльза Дарвина тоже на практике нельзя доказать, и тем не менее большинство научной общественности в нее свято верит. И не терпит никаких других теорий. А теорию относительности, ее вообще…

– Так она же формулами подтверждена математическими, – возразил я. – А у тебя и формул даже нет. Ты покажи нам формулу, может, мы и согласимся тогда.

А Инфант все молчал и молчал, а ведь мог бы и высказаться. Хотя бы потому, что теорию относительности он понимал значительно лучше нас с Илюхой. Не только на многочисленных примерах повседневной жизни он ее изучил, но еще и саму математическую модель крепко освоил. Потому что у него был глубоко и обширно развитый внутренний математический аппарат, у этого самого Инфанта. Он вообще через него жизнь свою отмерял – отсюда все его недора-

зумения и закавыки.

– Формулы ему не хватает, – возмущался тем временем Илюха. – Формалист ты, стариканер, а еще зануда. Ладно, дайте мне. Дайте я к эксперименту подключусь. Сейчас я прям на ваших глазах объективность в ладошках принесу.

И он переместил Инфанта с дивана ко мне, а сам примостился поближе у телефона. Хотя Инфант перемещался шатко, неуверенно и натужно.

– Так… кому бы позвонить? Так, чтобы наверняка. Кому-нибудь, кого я сильно разочаровал, кто меня уж точно не вспомнит. – И Илюха зашевелил губами, припоминая.

Он припоминал долго, и мы ему не мешали и не пытались читать его губ.

– Точно, позвоню одной девушке, – наконец припомнил он. – Давно хотел, хорошая девушка была. Жаль, что я совершенно ей не потрафил.

– Кто такая? – попытался уточнить я.

– Ты не знаешь, – отрезал Илюха, хотя такого быть просто не могло. Не мог я не знать про его девушек. Потому как он никогда не утаивал их от меня. Впрочем, я не стал допытываться.

Нельзя сказать, что и эта девушка оказалась особенно ласковой, заслышав напористый призыв из телефона. Но так чтобы особенно неласкова она тоже не оказалась.

– Аня… – позвал Илюха, а потом снова: – Ань…

И я понял, что девушку звали Аней. А вот что понял Инфант, мне было не догадаться.

– Да, – ответила Аня. – А кто это?

Но у Илюхи был намечен свой собственный план диалога, и он начал его раскручивать, не поддавшись на Анин прямолинейный вопрос.

– Помнишь, Ань, нашу единственную ночь? Знаешь, она стала самой важной ночью в моей жизни. Самой незабываемой. Чем больше проходит времени, тем больше я думаю о ней. Ну и о тебе, конечно. Как будто все лишь вчера произошло: волосы твои вьющиеся, струящиеся вдоль шеи, как я вплетаю в них свои пальцы и процеживаю между ними каждую отдельную прядь. А еще твой запах, запах пьяной вишни. Помнишь, тогда вообще чувство повального опьянения пронизало ночь: голова кружилась, руки дрожали, да и все вокруг нереальным казалось. Абсолютно нереальным! Как будто ты на тонущем теплоходе и не можешь понять: с тобой ли все это происходит, твое ли тело окутывается темной, холодной водой, твой ли рот заливает тяжелая влага, твои ли легкие сдавливает безжалостная глубина? Реально ли все, не грезится ли тебе и неужели ты больше никогда не всплывешь? Да и как вообще такое может происходить? Да и происходит ли?

Здесь Илюха задержался на паузе, но недолгой, чтобы Аня не успела ее заполнить.

– Так и у нас, Ань, было в ту божественную ночь. Только

не потонули мы все же, а всплыли в результате, да и теплохода рядом не оказалось. Уплыл без нас теплоход. А вот голова действительно кружилась, особенно от выпитого, особенно у тебя, Ань. Ты сама помнишь, про голову?

Ну что сказать, вступление выглядело вполне романтичным, особенно про тонущий теплоход. В теплоходе Илюхе отказать было нельзя. Да ему, похоже, никто и не отказывал. Никто, кроме Ани. Потому что, по-видимому, Аня мало что поняла.

– Простите, – поинтересовалась она несколько настороженно, – а вы, собственно, кто?

– Да это я, Илюша, – признался Илюха. – Помнишь, мы с тобой на ноябрьские познакомились. Там, конечно, много народу было, на той тусовке, но я такой, который пил с тобой много.

– Илья? – спросила Аня, и в ее голосе слышалось напряжение, она пыталась припомнить, но не могла сразу. И все же припомнила: – Невысокий такой…

– Почему невысокий? Нормальный, – не согласился Илюха.

– Глаза у тебя такие странные, сумасшедшие, да еще фамилия какая-то причудливая. И еще ты говоришь все время. Смешно так и непривычно, по-особенному.

– Точно, – узнал себя Илюха, – точно попала. Тебе бы, Ань, фотороботы составлять.

Аня засмеялась, и смех у нее оказался журчащий, почти

что прозрачный.

– Смотри, вспомнила все же, – прошептал я Инфанту, и не исключено, что тот кивнул мне в ответ.

– Только я про ночь не совсем поняла, – призналась девушка на противоположном конце. – Чего было ночью-то? Да и вообще, чего ты вдруг объявился через полгода?

– Да, знаешь, я думал о тебе все это время. Боялся позвонить. После всего того, что было между нами в ту сказочную ночь, после всех тех слов, которые ты мне говорила, я все это время как ошалевший ходил. Лишь недавно отошел немного.

– А чего было? В какую ночь? – снова спросила Аня, и в голосе ее послышалась искренность. Видимо, она действительно ничего про ночь не знала. Или не могла вспомнить?

– Ну как же? – не менее искренне удивился Илюха. – Когда мы вдвоем с тобой одни в квартире остались. Помнишь, за окном шел медленный снег, он нес с собой спокойствие и умиротворенность. Знаешь, как будто все так и должно быть, все правильно и ничего не надо менять. Вообще ничего! Будто так было всегда и будет всегда. Будто вместе с этим ровным, плавным снегом мы с тобой приблизились к самой вечности. Неспешные снежинки блестели в свете фонарей, в комнате было темно, лишь отсветы падали на простыню, и ты прижималась ко мне и говорила, что я – самое чистое и лучшее чувство, которое когда-либо заполняло тебя. А по-

том шептала: «Ильюша, Ильюшенька», – и снова прижималась.

Тут из громкой связи послышался легкий девичий вздох. Но Илюху он не отвлек.

– Правда, ты, Ань, сильно пьяная тогда была, не хуже вишни. Да и воду горячую тогда, как назло, отключили. Потому мы на плите кастрюлю и нагревали. Помнишь?..

Илюха помолчал. Девушка слушала, а потом молчала вместе с ним.

– Да? Я так говорила? – наконец отозвалась она доверчивым вопросом.

В ее интонациях что-то постоянно изменялось, и я понял: они все заметнее и заметнее округлялись плавностью.

А Илюха, прикрывая дырочку громкой связи ладонью, проговорил нам шепотом в доказательство своей теории:

– Вот видите, ничего не помнит. Не понравилось ей тогда сильно, вот и позабыла все. Словно амнезия у нее.

А потом снова в трубку:

– Ты много чего тогда говорила нежного. Про любовь говорила, и еще что тебе хорошо очень, как никогда не было прежде. Что такого ты еще не испытывала никогда. А потом опять про любовь, и слова «навсегда» и «единственный» мелькали в слившемся сочетании.

– Странно, – задумчиво произнесла Аня, – ничего не помню. Я вообще обычно такое не говорю никому. Странно. Ты говоришь, я пьяная была?

– Да, – подтвердил Илюха, – сильно. Я бы сказал, сверх меры. Это я для тебя воду в кастрюле грел, мне-то зачем? Но именно опьянение и придало тебе небывалую чувственность, и еще, я бы сказал, эмоциональный накал небывалой остроты, который я никогда ни в ком не встречал. Только у тебя, у одной.

– Говоришь, ни в ком не встречал, – задумчиво повторила Аня.

Но Илюха не ответил ей, его просто-напросто несло по пыльной дороге ярких воспоминаний.

– А главное, хоть ты, Ань, и не трезва была чересчур, но губы твои пахли, знаешь, как пахнет пьяная малина в густой лесной чаще, а волосы отдавали весенним, утренним ландышем. Там, знаешь, на кухне мыло такое было, ландышевое. Вообще-то оно для посуды предназначается, но на бутылке написано было, что оно все бактерии активно убивает… Вот я им губку и намыливал и тебя начисто оттирал. Ну, когда вода в кастрюльке нагревалась достаточно.

Мы с Инфантом лишь переглянулись, особенно на губку, а еще на «пьяную малину». Но садовод Белобородов заливался зябликом и не обращал на нас из своего сада ни малейшего внимания.

– И ты так доверчиво прижималась ко мне, и такие доверчивые слова произносила. Как такое забудешь!

– Да… – неуверенно прозвучала на том конце Аня. – И что у нас было?

– Да все было, Ань! Абсолютно все! Несколько раз подряд, до самого утра! Ты даже заплакала перед рассветом от радости.

– Да, да, – призналась девушка, – начинаю вспоминать, кажется. Особенно слезы. А еще губку и горячую воду.

Тут Илюха вслед за ней тоже вспомнил, но на сей раз – про нас. А еще про свою теорию и снова прикрыл громкую связь ладонью.

– Видите, ничего не помнит, совсем у нее память отбило. Потому что не понравилось ей тогда шибко, вот и позабыла. Это я выдумываю все про то, что ей тогда понравилось. Обманываю, иными словами. На самом деле она от горечи плакала. Что плохо ей со мной, что зря пошла на такое. Вот и позабыла все.

И тут до меня наконец дошло, только сейчас дошло, и я начал хохотать. Но тихо так, почти про себя, чтобы не потревожить Аню и ее пробуждающиеся воспоминания.

– Ну конечно, Ань, как такое забыть, – вернулся Илюха к дырочке для громкой связи. – Раз в жизни такое. Ты тогда так и сказала, мол, первый раз так сильно получилось. Остро и сильно. Да и я, знаешь, потом две недели не мылся, чтобы запах твоего тела на своем удержать. До сих его помню. Особенно волосы, в которые будто ландыши вплетены, да губы твои, с запахом пьяной земляники.

– Вишни, – попытался вмешаться я с дивана.

– Малины, – просуфлировал оттуда же тихонько Инфант.

Но Илюха лишь махнул рукой: один, мол, хрен – вишня, малина, земляника – ягода она и есть ягода. К тому же если лесная.

– Слушай, Ань, – продолжал Илюха. – Может, возобновим как-нибудь? В смысле, повторим. Знаю, в одну и ту же воду сложно, конечно, дважды войти…

– Ты что, и воду из кастрюльки сохранил? Она что, тоже мною сильно пахла? – по-своему поняла про воду Аня.

– Конечно, пахла. И тоже пьяным запахом, только не каким-то одним ягодным, а целым разнообразным букетом, – согласился Илюха. – Ну так что, повторим неповторимое? Попробуем? Рискнем? Ведь нам было невозможно хорошо в ту ночь. Особенно тебе!

– Да, – согласилась Аня все еще в раздумье, но теперь в романтическом раздумье, в предвкушающем. – Если все было так, как ты говоришь, то надо бы повторить. А то обидно, что я все время пьяная была и не помню ничего. Много на меня тогда воды ушло?

– Да нет, нормально, как полагается. Кто ж воду считает? – снисходительно улыбнулся в телефон Илюха. – Так чего, ты ко мне приедешь или я к тебе?

– Приезжай лучше ты. Давай завтра, – пригласила Аня, а потом опять задумалась: – Только я тебя почти не помню совсем.

– Это даже хорошо, – согласился Илюха. – Как будто все заново будет, в первый раз, все сначала. Так мы с тобой вдво-

ем и обманем время. Представляешь, никому не удавалось, а мы обманем. И повернем его вспять.

И Аня согласилась и продиктовала адрес.

А потом, как только они закончили разговор, Илюха обернул к нам свою крайне довольную физиономию, глаза на которой просто не могли остановиться и все излучали и излучали искрящуюся люминесценцию.

– Ну как, – сказал он победоносно, – убедились? Принимаете теперь мою теорию? Вот Аня – живое ее доказательство. Не понравилось ей со мной шибко, вот и вычеркнула она меня из своей памяти. Да так, что даже вспомнить побоялась, как я ни старался ей напомнить. Она даже поначалу…

Он все говорил и говорил, Инфант все слушал и слушал, а я все смеялся и смеялся, но пока лишь про себя. Впрочем, я намеревался скоро вынести свой смех на поверхность.

– Непонятно… – в результате тяжело выдохнул Инфант и впервые за вечер приподнял на нас свои тоже тяжелые вопросительные глаза. Чтобы мы, наконец, смогли заглянуть в них, так как они, как известно, зеркало души. И мы, конечно, заглянули.

Что сказать… Разочарованная у Инфанта оказалась душа, во всяком случае, со стороны глаз. Разочарованная, опустошенная, не верящая никому и ничему. Одним словом, вполне нигилистическая душа. Можно было, конечно, попытаться разобраться в ней – но зачем?

– Непонятно, – задумался вслух Инфант, – почему она решила с тобой снова, того… завтра… еще раз… если ты был ей так противен? – Он опять задумался. – До омерзения противен… – А потом задумался еще. – До тошноты, до рвотного рефлекса, до родовых спазмов, до эпилептического удара, до…

Видимо, он долго хотел перечислять, нагнетая метафору, но Илюха его притормозил.

– Хорошо, Инфантик, – сказал он по-доброму, – не возбуждайся, вопрос твой принят. Дотерпи до ответа.

И Инфант хоть с трудом, но дотерпел.

– Ты чего не понимаешь? Это же и ежу ясно: я настолько ей не пришелся тогда, что она меня начисто из своей памяти вычеркнула, даже следа не оставила. Именно в соответствии с моей теорией. Настолько не оставила, что теперь можно заново попробовать. Или, иными словами, второй шанс у меня появился. Сечешь, как механизм этот работает?

Все задумались. Все, за исключением меня и Илюхи. Потому что Илюха вообще никогда не думал, у него все естественно вместе с дыханием выходило. А мне точно незачем было – я только следил за развитием сюжета и посмеивался про себя беспечно. А вот Инфант думал и думал и проявлял настойчивость, но, похоже, не особенно у него получалось.

– Видишь ли, Инфант, – снова поспешил ему на подмогу Илюха. – Видишь ли, как получается. Если ты женщине в первую ночь совершенно никак… ну, ни в какую… и она

страстно невзлюбила тебя за это, то, значит, она скоро о тебе вчистую забудет. А значит, у тебя появляется еще одна попытка. А потом, когда ты снова оказался ей полностью невтерпеж и в тягость, – еще одна. И так оно может продолжаться долго, пока ты не понравишься ей, наконец, хотя бы немного и она в результате не запомнит тебя. Пускай лишь частично. А вот как запомнит, тогда уже все, тогда кранты, тогда шансы твои закончились. Не примет она тебя больше.

– Так что же получается? Получается, что нам выгоднее у них с ходу полный негатив вызывать? – предположил Инфант и снова погрузился в мрачные свои размышления. – Почему же мои, ну, которым я потом звоню, все еще помнят меня и не хотят больше? Вон трубку сразу бросают.

– Это потому, – чутко пояснил Илюха, – что ты не профессионально негатив вызываешь. Слишком по-любительски действуешь, на середине останавливаешься. Тебе необходимо полное отвращение вызвать, как ты сам выразился, до рвотных спазмов, чтобы на подкорку девичью воздействовать, чтобы отторгла тебя подкорка. А ты не отрабатываешь до конца, на авось надеешься. Мол, вдруг само по себе повезет. А «само по себе» с женщинами не везет. Для женщины точный расчет и правильная подготовка требуется, чтобы отрабатывать с ней по полной отвращающей программе. А ты не отрабатываешь. Вот и остаешься в женском организме, в том числе и в памяти. Не выкорчевывает тебя до конца ее организм. Плохо ты, Инфантик, стараешься, не отторга-

ешься ты целиком.

Инфант снова потупил свои густые ресницы и снова загрустил пуще прежнего. А Илюха победоносно окинул меня взглядом, мол, вот признай правильность моей гибкой теории. Но напрасно он меня им окидывал. Потому как ждало его теорию абсолютное фиаско. Во всяком случае, со мной.

– Б. Б., – обратился я к Б. Б., – мы с Инфантом, конечно, оценили твою затейливость и твое стремление одной задницей за двумя зайцами одновременно. Но может, ты с нами, надежными своими соратниками, будешь все же по-иному, чем со случайными и, более того, совершенно незнакомыми тебе женщинами? Может, ни к чему нас вот так же, как их, разводить на ровном месте?

Илюха лишь пожал плечами – мол, о чем ты, не понимаю я ничего. При чем тут зайцы и задница одновременно? Но я ему легко пояснил:

– Я, конечно, оценил тебя, стариканер. Можно сказать, даже восторгаюсь тобой и твоим мастерством, которое, как известно, не пропьешь. Одно удовольствие понаблюдать иногда за тобой со стороны – просто театр ни к чему становится. Вот так запросто девушку Аню, которую, похоже, ты даже не видел никогда в жизни… вот так с пол-оборота выписать… Да и не только выписать, а договориться уже с ней обо всем заранее, все определить, разметить и отпечатать… Такое, старичок, конечно, многого стоит, и я благодарен тебе за мастерский пилотаж прям на моих глазах. И Инфант тоже

благодарен. За то, что в нашем присутствии ты совершенно незнакомую тебе Аню, как говорится, с наждачка на все уговорил.

– Он ее с мозжечка уговорил, – вставил Инфант, который хоть и не понял умом происходящего, но, похоже, стал пусть интуитивно, но догадываться. И от своей правильной догадки он просто светлел на глазах.

– Единственное, старикашка, что меня всерьез угнетает… – Тут я завис в воздухе укоризненной паузой. – Зачем ты нам пытаешься так же плотно, как Ане, мозги затуманить? Мы ведь не Аня, с нас тебе и взять нечего. Да и не нужно тебе от нас ничего. Зачем же тогда ты с нами так лукаво? А?! Ну-ка, давай колись, как на самом деле все приключилось? Ты вообще ее видел, Аню-то, хоть раз в жизни? Откуда ты знаешь, что она в тот вечер пьяная была? Да и где телефон ее откапал?

Другой бы на месте Илюхи смутился, что я его вот так за руку да с поличным. Но это ведь другой. А Илюха, в отличие от другого, откинулся расслабленно на диван и залился лучистым своим смехом. Таким лучистым и заразительным, что даже у Инфанта, который снова приподнял свой взор, в этом самом взоре на место опустошенности стали выползать по кусочкам признаки уравновешенной человеческой жизни.

– А ведь и правда забавно получилось, – бесчинствовал

весельем старикан БелоБородов. – Просто невероятно забавно. Давно хотел этот метод испробовать, все случая не подворачивалось. Хотя ты не прав, Розик, я Аню встречал, даже говорил с ней. Правда, недолго, всего несколько минут. Симпатичная деваха, вполне заслуживающая. Я как-то на пьянку в ноябре попал, я и тебя, старикашка, звал, но ты отказался, на занятость сослался. В общем, там много народу было, ну и она, Аня то бишь. Я к ней подошел тогда и сказал пару фраз, но она на меня не отреагировала как следует. Даже внимания порядочного, как мне показалось, не обратила. А на следующий день мне рассказали, что она там, на этой тусовочной квартире, напилась в дупель… Что в общем-то и не важно.

Илюха окинул нас разухабистым взглядом и пустился в рассуждение:

– Понимаете, я давно разрабатывал этот механизм. А именно: механизм обиды за упущенную возможность. Когда, казалось бы, совсем близко, уже почти в руках, уже залетело внутрь, осталось только ладошки сложить… А ты взял и сам сдуру все упустил, поломал, и теперь уже не достать… Ведь всем от такого отчаянно обидно станет, особенно женщинам. И вот они-то запросто могут с головой да в омут, не раздумывая, с разбегу, лишь бы вернуть возможность и попытаться с ней еще раз. Особенно когда возможность хоть как-то соприкасается с любовью. Вот как в нашем случае.

Тут Илюха обвел нас веселым своим взглядом и продолжил:

– Ведь у Ани какие ощущения сложились? Во-первых, ощущение, что она обидно упустила что-то. Что-то крайне приятное, что уже произошло, проскользнуло рядом, но за что она, увы, ухватиться как следует не успела. Хотя откуда она знает про «приятное»? Да от меня и знает. Я, правда, на нее сослался, мол, ты, Ань, сама так неоднократно говорила. А как ей не поверить, если она не помнит ни хрена, так как пьяная была под завязку? К тому же хоть и с моих слов, но между нами один раз все уже произошло, а значит, граница прорвана, сексуальный Рубикон, так сказать, перейден. Ведь раз однажды произошло, то ничего больше не сдерживает, и почему бы не повторить? Особенно если ты сама оценила высоким баллом. Оценила, а потом сдуру упустила. Ну как тут не повторить?

– Так чего? – вдруг уставился влюбленно на Илюху Инфант. Потому что до него, похоже, наконец впервые дошло. – У тебя с ней ничего не было? Вообще ничего? Никогда?!

И если раньше можно было позавидовать жизнерадостному Илюхиному веселью, то веселью Инфанта можно было устрашиться. Он грохнулся на пол и, размахивая руками и ногами, просто провалился в счастливое свое безумство. Так же, как еще недавно был провален в безумство несчастное.

– Так ты ее ни разу… – катался по полу Инфант. – И убе-

дил, что всю ночь напролет… – Ему было тяжело дышать. – И она поверила… – Он просто задыхался от смеха и слов. – И завтра ты к ней едешь, чтобы… – И он замолчал, потому что просто не хватило больше сил.

А потом, когда отдышался, пришел в себя, обратился ко мне за помощью.

– Как, – спросил меня Инфант, – как всему этому научиться? Чтобы как он, – тут Инфант кивнул на Илюху, – вот так же из ничего, на ровном месте… Чтобы выстроить воздушный замок и поселиться в нем, и жить в нем крепко, надежно и сексуально.

– А что, – согласился я, – хорошая идея, может, тебе, Б. Б., школу открыть? Или лучше курсы повышения квалификации. С твоей-то репутацией от желающих не отобьешься. Будешь подготавливать новую гвардию свеженьких БелоБородовых. Резервный, так сказать, полк.

– Да нет, – скромно отказался Илюха, – не получится ничего. Белобородовыми не становятся, Белобородовыми рождаются. Ну разве каждый, хоть и прошедший подготовку, сумеет петь, как Шаляпин? Такому не научишь. Хотя… – тут Илюха призадумался, – с точки зрения вербовки новых кадров мысль неплохая. Девушки любят курсы повышения. Особенно квалификаций. А потом к тому же: аттестация, экзаменационная комиссия, да и дипломный проект тоже…

И он начал было развивать мысль дальше. Но потом сам же ее и пресек.

– Да нет, – вздохнул он, – не получится ничего. Потому что надо будет деньги взимать, ну, за курсы, за повышение. А я взимать не могу. За это дело точно не могу. И вообще, меркантильный переход денег из рук в руки, причем в любую сторону, – разом порочит всю страсть и лишает кайфа. Не, не получится с курсами…

– А ты забесплатно, – нашел я тут же выход.

Но выход оказался неудачным.

– Нет, – снова отверг его опытный экономист Белобородов, – без денег ни один бизнес не сдвинется. Не пойдут люди на бесплатные курсы. Бесплатное не заслуживает доверия у народа. Халява – она всегда халява. Не ценится она. Забесплатно вообще ничего продать нельзя. Только за денежный эквивалент.

Я не понял и хотел было возразить, но Илюха перебил:

– Не спорь со мной, у меня докторская на эту тему.

– На эту? – ошарашенно не поверил я.

И Илюха меня успокоил:

– Ну, почти на эту. – Он помолчал, но недолго. – Да, не получится ничего с курсами. Но тебя, Инфантик, я консультировать берусь. Глобальное излечение не обещаю, но временное облегчение гарантирую. – Он окинул пациента сметливым взглядом. – Итак, ты чего хмурый такой, Инфантище? Что приключилось? Жизнь не задалась? Давай выкладывай, разберемся, наладим жизнь.

И Инфант приподнялся с пола и перекочевал обратно

на диван. Он сам не знал, как ему поступать впредь – продолжать веселиться или снова забыться в расстройстве? Вот в таком промежуточном состоянии он и начал свой рассказ.

Глава 3
За трое суток до кульминации

– …да вот, не дает мне никто, – закончил он его.

– Вообще никто? – поинтересовался я.

На что Инфант лишь вздохнул и снова впал в коматозное свое состояние.

– Ну, хоть на горизонте кто-нибудь маячит? В перспективе-то? – снова спросил я.

– Да пасу одну, – подтвердил Инфант. – Уже двадцать восемь дней. И все никак.

– Точно двадцать восемь? – переспросил цепляющийся к точным фактам Илюха.

– Точно, – подтвердил не менее щепетильный к цифрам Инфант.

– И совсем никак?

– Совсем, – подтвердил он.

– Что говорит? – набирал я информацию.

– Говорит, что слишком серьезно ко мне относится для такого.

– И действительно серьезно? – продолжал уточнять я.

– Леший ее знает, – ответил Инфант, на что Илюха, скорее для себя, отметил:

– Леший – это какой, тот, что с копытами? Ему-то откуда знать? – А потом для всех нас: – Это потому, что жизнь ее

не била. Благодарности за хорошую жизнь без лишений, без войны и катаклизмов в ней мало. Поэтому надо бы в ней благодарность к жизни развить, особенно к тебе, Инфант. Чтобы она каждый раз при встрече с тобой благодарность свою выражала. Потому что женщина легче всего выражает благодарность любовью.

– Как именно выражает? – спросил Инфант, с трудом подавляя возбужденное дыхание.

– Да по-разному, – уклонился Илюха, не желая, очевидно, вдаваться в детали перед Инфантом. – Итак, друзья, цель поставлена: Инфантова женщина должна быть постоянно благодарна Инфанту. Теперь решаем: за что ей быть благодарной? Быстренько сдвинули свои мозги ближе ко мне и начали объединенную мозговую атаку. Инфант, предлагай…

Но Инфант все мялся и не хотел предлагать.

– Может быть, мне ей полы в квартире отциклевать, – нашел он наконец повод для благодарности. – Я могу.

– Плохо предложил, – отмел в сторону повод Илюха. – Не засчитывается. Твои мозги, Инфантище, похоже, на атаку не нацелены. На что-то другое они определенно нацелены, но не на атаку. Старикашечка, – перекинулся Илюха на меня, – какие идеи?

Идей у меня оказалось сразу много, и я с удовольствием был готов ими поделиться.

– Во-первых, надо из Инфанта сделать героя. Потому что к героям народ намного лучше относится.

– Это правильно, – подтвердил Илюха. – Хорошо мыслишь, не хуже меня. Мысли дальше.

– Ну чтобы он спас кого-нибудь от нависшей беды. Смело и решительно, не дрогнув ни духом, ни мускулом, желательно на глазах у населения.

– Еще правильнее, – снова одобрил Илюха.

– Проблема только: где беду взять? Особенно такую, которую Инфант сможет отвести уверенной своей рукой. Такую поди отыщи.

Мы снова все задумались, глубоко, надолго. А потом, конечно же, откопали ответ. Потому что когда надолго о чем-нибудь задумаешься, ответ находится всегда.

– Беду надо создать, – дошел первым Илюха.

– Инсценировать, – уточнил я.

И получалось так, что мы сразу оказались значительно ближе к цели в своем направленном поиске.

– Как это инсценировать? Какую беду? – задавал ненужные вопросы Инфант, которые только отвлекали.

– Ну как – какую? – все же отвлекся я. – Наводнение какое-нибудь или землетрясение, или я вот, например, мультфильм в детстве видел про пожар в тайге. Когда тайга горит. Страшная беда, особенно для лесных жителей…

– Ты это о ком? – заинтересовался лесными жителями Илюха.

– Я о зверюшках, – доходчиво пояснил я. – Антилопы и медведи с барсучками да белками мечутся, бедные, в огне,

не зная, как спастись. Где водопой, чтобы вброд его перейти и унести своих малышей подальше от режущего глаза дыма? А опаленные ветки так и валятся на них сверху, так и угрожают придавить хрупкие зверюшечьи тельца. В общем, полный хаос, бардак и неразбериха.

Теперь я уже обвел взглядом комнату. Комната молчала, лишь один Инфант звучно сглатывал в себя подступающее возбуждение.

– И вот здесь бы хорошо Инфанта с брандспойтом, в пожарной каске, – предложил я спасительный выход. – А сзади хорошо бы массовку поместить вместе с Инфантовой девушкой. И все смотрят, как на него деревья огненные валятся, а он даже не отскакивает от них, а так с достоинством уклоняется и все заливает пожар из брандспойта и заливает. Каска съехала на затылок, лицо все в копоти и в поту, а Инфант хлещет пенной жидкостью на пожар, не жалея себя. А потом, когда пожар под его напором и напором из брандспойта отступает, он поднимает с земли маленького спасенного, но испуганного зайчонка, гладит его, успокаивает, бедненького, и передает матери зайчихе. А массовка сзади, вместе с девушкой… Как, кстати, девушку зовут?

– Наталья, – подсказал Инфант.

– А массовка с Натальей во главе улыбается и вытирает умильные слезы. А когда после всего начинает облегченно расходиться, Инфантова девушка из благодарности позволяет Инфанту прямо здесь, на земле опаленной тайги, абсо-

лютно все. Вседозволенно и без ограничений. Потому что таежным героям особая благодарность полагается. – Я снова оглядел аудиторию и осведомился у нее: – Ну как?

Инфанту и не требовалось отвечать, он весь просто пылал от восторга. А вот Илюха не пылал.

– Ты, Розик, конечно, парень образный, – отвалил он мне полновесный комплимент. – Тебе бы на «Мосфильме» работать, туда таких даже без блата принимают. Но проблема, старикашка, с твоим сценарием. Где натуру живую взять? Ну, с тайгой – ладно, можно, например, Сокольники за тайгу выдать или Лосиноостровский парк. Но вот где мы столько зверюшек откопаем, зайчиков, барсучков, медведей? Да и палить Сокольники жалко, я люблю Сокольники.

– Зверей в зоопарке можно одолжить, – предположил я. – Небось не очень дорого обойдется. Но палить парки действительно жалко. У меня у самого с ними много разных приятных воспоминаний связано.

– Да… – вздохнул Инфант, и мы все снова замолчали, задумавшись.

– О, я придумал! – вскинулся первым Илюха. – Хорошо, чтобы Инфант спасал не зайчат и бельчат, а саму девушку. Как ее звать, ты говоришь?

– Натальей, – напомнил Инфант.

– Вот именно, девушку Наталью. Чтобы она не на толстой шкуре невинных животных, а на своей собственной тоненькой шкурке почувствовала роковую опасность. Да и благо-

дарность за собственное спасение будет значительно более искренней, чем благодарность за спасение зайки.

– Это правильно, – согласился я.

Мы вообще, как ни странно, непривычно много соглашались друг с другом. Вот что значит общая цель и позитивное коллективное мышление.

– Может, ее в середину горящей тайги засунуть? – робко предложил Инфант. – Тогда и зоопарк не потребуется, на зверях сэкономить можно.

Он тоже начал входить во вкус. Видать, и у него прорезалась неожиданная изобретательность. Так как положительные творческие примеры на удивление заразительны.

– Можно, конечно, – согласились мы с Илюхой. – Только вдруг ты до середины горящей тайги добраться со своим брандспойтом вовремя не успеешь? Там ведь шланг тяжелый за собой тащить надо. Так ты вообще без девушки можешь остаться, и никто не сможет тебе благодарность выразить. Да и потом, тайгу все равно жалко. В смысле, Сокольники.

Но Инфант, похоже, все входил во вкус и входил, и фантазии его наслаивались одна на другую.

– Можно вместо тайги ее квартиру подпалить, – предложил он смело, по-новаторски.

– Неплохо, – похвалил я Инфанта. – Она там мечется в окне среди языков пламени, среди дыма и гари. Желательно в белом легком платье с большим вырезом на груди. Свешивается она этим вырезом из окна, руки белые гибкие тянет,

волосы длинные, светлые на щеки наезжают… У нее волосы длинные, светлые?.. – обратился я за уточнением.

– Нет, темные, короткие, – уточнил Инфант.

– Ничего, придется нарастить и перекрасить. Так вот, она, девушка твоя, как, говоришь, ее зовут?

– Наталья, – напомнил Инфант.

– Так вот, она мечется, Наталья твоя, штукатурка начинает от жара отлетать от потолка и падать совсем близко. Еще немного – и накроет. Мебель от жара трещит и корежится вспухнувшим лаком. Да еще запах этот удушливый от кухонного пластикового гарнитура… А тут ты, Инфант, снова в пожарной каске и снова с брандспойтом в окно вваливаешься. Сначала тушишь пожар, с пластиком на кухне разбираешься, а потом ее, девушку твою, которая почти без сознания уже, поднимаешь на руки. Но так, чтобы обязательно подол задрался и заголил красивые ее босые ноги, и относишь на случайно уцелевший диван и тут же приступаешь к искусственному дыханию. И когда она тебя узнает, благодарная, тогда и отдает тебе всю себя без остатка. Как спасителю и чуткому специалисту по искусственному дыханию. Да тут без вариантов, каждая бы отдала, не только твоя девушка, как, ты говоришь, ее зовут? А народ внизу умиляется и хлопает в ладоши от счастливой развязки. Ну как?

Похоже, мои образные описания не на шутку повлияли на впечатлительного Инфанта. Особенно про искусственное дыхание. Он прямо на глазах возгорался, прежде всего ли-

цом – щеками, лбом, ну и всем прочим, что вырисовывалось над кофейным столиком. Видимо, действительно слишком долго Наталья ему не давала. А вот Илюха не возгорался.

– Да, плачет, стариканыч, по тебе «Мосфильм», – заключил он про меня. – Но и не только «Мосфильм». Кто за пожар потом сидеть будет? Если ты готов, то в принципе я не против. Хотя по тебе, конечно, скучать буду. Ты чего, забыл? – даже стихотворение такое в детстве было. Что-то типа…

И тут Илюха напрягся и продекламировал по памяти, хотя вообще-то это ему не шло:

Ищут пожарные, ищет милиция
Парня какого-то лет двадцати.
Ищут гурьбой, но не могут найти.

«Надо же, – подумали я и Инфант, – он еще и советскую поэтическую классику наизусть знает». И мы сдвинули, как и полагается, ладоши.

– Тоже про пожар, кстати, стихотворение, – закончил декламацию Илюха. – Но тебя, Розанчик, как раз найдут в два счета, хотя ты и постарше того парня будешь. Потому что ты, старикашка, прятаться не умеешь как следует.

– Почему это меня? – не понял я. – Мне-то чего с этого пожара? Мне вообще никакого удовольствия. Все удовольствие Инфанту отходит. Я только план кампании составляю.

И мы снова задумались, потому что понятно стало, что пожар не подходит в принципе. Если он бы сам по себе при-

ключился, естественным таким образом, тогда еще ладно. От молнии, например, или от застарелой проводки. Но пойди дожидайся естественного пожара, а потом подстраивайся под него с каской, брандспойтом и с Инфантом.

– Землетрясение тоже, конечно, хорошо, – перечислял вслух Инфант, – но мы его сами не устроим.

– Да, – согласился я, – в природе землетрясений вообще многое непонятно. Наводнение тоже сложно. Для него сильные дожди требуются или сход лавины. Но поблизости лавин не наблюдается.

– А если ей тонуть начать, ну просто в обыкновенном, естественном водоеме. А я ее вытащу. Ну и опять же искусственное дыхание обязательно…

Видимо, именно искусственное дыхание не давало Инфанту покоя.

– Да, – согласился я, – тоже вариант. Представляете, она бьется, как лебедушка, об лед. Как Серая Шейка. У нее, Инфант, шейка, случаем, не серая? – Но на сей раз Инфант мне почему-то не ответил, и я продолжил без него: – Так вот, она бьется, рот приоткрыт в сдавленном крике, губы от воды набухшие, алые, ее купальный бикини от резких взмахов рук сбился с груди, а левая бретелька – та вообще…

Но тут вмешался Б. Бородов.

– Старикашка, – сказал он немного угрожающе, – хорош с описаниями. Красочные они у тебя, это правда, умеешь ты, доказал. Но не надо больше, потому как они непрактичные

совсем. И вы, ребята, сами непрактичные. Сложно с вами толковый план выстроить. Вы все в фантазиях, в феериях своих воздушных порхаете. Ну почему она тонуть должна? С чего ей тонуть? Или ты, Розик, будешь на дне сидеть и утягивать ее за ноги вниз, как какое-нибудь лох-несское чудовище? Так нет у нас лох-несского, у нас даже с лох-невским, как известно, частые неприятности.

– Не буду я на дне сидеть, – пробурчал я. Так как обидно мне стало: зачем он меня перебил в самом интересном месте, там, где про бретельку назревало?

И мы все снова замолчали, но теперь надолго. Потому как список естественных катаклизмов практически подошел к концу. Оставался, впрочем, список катаклизмов неестественных. И открыл его первым номером Илюха. И сразу с первого номера попал в сердцевину.

– Ты, Инфант, девушку свою, как ее, кстати, зовут?..

– Наталья, – кивнул головой Инфант.

Не знаю почему, но имя Инфантовой девушки как-то не могло удержаться в нашей коллективной с Илюхой памяти. А вот у Инфанта оно удерживалось. Тоже не знаю почему.

– Так вот, ты, Инфант, ее спасешь от изнасилования.

И в комнате повисла пауза. Долгая, тягучая, тяжелая. Наверное, потому что слово неприятное, процесс несимпатичный, да и неожиданно все это прозвучало. Не готовы мы с Инфантом были к изнасилованию. К пожару и к наводнению – готовы. К землетрясению даже. А вот для изнасило-

вания – нам требовалось время. И оно прошло.

– Б. Б., – сказал я иронично, – это ты нас практичности взялся учить. Тебе самому не мешало бы подучиться. Какое изнасилование? Кто ее насиловать возьмется? Инфант с ней уже почти месяц ходит, и никто ее насиловать ни разу не пытался. Он так до старости за ней проухаживает в ожидании внешнего насилия. Где мы возьмем насильников? Откуда?

– Есть насильники, – глядя мне проницательно в глаза, сообщил Илюха. Настолько проницательно, что я сразу забеспокоился. – Ты назначаешься насильником номер один, а я – насильником номер два.

Что тут скажешь? Это было сильно. И все же мне требовалось время, чтобы новый сценарий обмозговать.

– Ну, в общем-то я могу, конечно, – предположил я. – Но вот в тебе, Б. Б., насильник не очень просматривается, особенно по внешним твоим данным. Не вижу я в тебе насильника, да и другие не увидят. Не вызываешь ты у постороннего наблюдателя чувство опасности, и на лице у тебя совсем про другое написано. Постоянное вожделение к женским прелестям… – я пригляделся, – это есть, это читается легко. Но вот патологическая тяга к физическим методам воздействия… – я еще раз пригляделся, – нет, не видна. И люди могут тебе не поверить. К тому же и по возрасту ты уже, извини, вышел из банальных уличных насильников. А те, кто в молодости грубыми насильниками были, к зрелости в солидных извращенцев обычно эволюциониру-

ют. Но извращенцы – это уже совсем другая тема. Так что неправдоподобный из тебя насильник выходит. Не насильник, а одна насмешка!

– Про людей не знаю, но Инфантова девушка запросто в меня поверит, – продолжал настаивать Илюха. – Как мы Инфанта забьем до полусмерти, так она чему угодно поверит. У страха глаза, сам знаешь, как блюдца. Она… как, Инфант, ты говоришь, ее зовут?..

Но Инфант не стал отвечать на вопрос.

– Как это – «меня забьем»? – искренне удивился он. Хотя я, например, сразу догадался.

– Ну вообще-то, стариканыч, – обратился ко мне Б. Бородов, – это твоя стезя. Кто из нас сочинитель? Давай фигачь, разрабатывай детали. Теперь можешь красочно, на полную катушку, не сдерживая мазка.

И я засучил рукава и взялся за дело.

– Значит, так, – взялся я. – Уединенное место, рядом никого, пустынно. Ночной пляж, например. Хотя где тут пляж взять? Нет, лучше лес или парк.

– Сокольники, – подсказал Илюха.

– А хоть бы и они, – согласился я. – Но удаленное от прохожих, глухое место.

– Там, кстати, таких полно, я не раз проверял, – снова встрял Б. Б.

– Итак. – Я сдержался и не обратил внимания на то, что

меня постоянно перебивают. Постарался не обратить. – Середина дня, но ближе к вечеру. Небольшая полянка, вокруг нее березки. Бабочки порхают между ромашками, божьи коровки стрекочут, кузнечики с травинки на травинку сигают почем зря, муравьишки пробивают в черноземе новые тропы. В общем, вся эта мелкая лесная тварь, которая обычно кусается и за шиворот лезет… Одним словом, романтика и идиллия в полном масштабе.

Я подождал, пока присутствующие представят масштаб идиллии.

– А вот и Инфант, – ввел я одним штрихом героев, – который прижимает свою девушку к стволу белокурой березы. Видимо, для упора. Чтобы скоро самому прижаться к девушке. Она в летнем платье с глубоким вырезом пониже шеи, подол развевается от порыва летнего бриза, беззастенчиво открывая нижнюю часть ее стройных ног. Светлые волнистые волосы спадают ей на лицо. Алые губы приоткрыты в ожидании…

– Волосы у нее темные, – попытался встрять Инфант, но его уже никто не слушал. Слушали только меня.

– …Инфант находит ее губы своими и прижимается к девушке еще плотнее. Раздается легкий стон. Наверное, березы, на которую они вдвоем сильно напирают. Руки Инфанта не стесняются в выборе частей тела. Все, что попадается, все на пользу, все идет в дело. Девушка начинает трепетать. Да оно и понятно: романтика вокруг, бабочки, повторяю, пор-

хают, жучки, паучки, в общем, вся эта… – я развел руками, охватывая все разом, – …хренота. Мизансцена, одним словом. Все настраивает, вдохновляет к любви, да и сам Инфант, вот он здесь, рядом, бери – не хочу. Но она не берет, не хочет! Как ее зовут?.. Ну да ладно. Не хочет она, и все! Хотя Инфант и предлагает.

«Может быть, давай… – заглядывает ей в глаза Инфант. – Давай, ну что тебе стоит? Посмотри, какая мягкая трава-мурава под нами».

«Не могу, – отвечает она, тяжело дыша в лицо Инфанта. – Слишком серьезно к тебе отношусь. Мне надо быть уверенной в нас обоих».

«А если хоть как-нибудь, хоть что-нибудь?.. – предлагает готовый к компромиссу Инфант. – Что-нибудь, что не требует полной уверенности в нас обоих. Лишь частичной требует. А частичную уверенность я все-таки должен у тебя вызывать, все-таки целый месяц уже вот так с тобой… Давай, ну что мы, не найдем путей, что ли? Если вон даже муравьишки в черноземе…»

«Нет, не могу, – отказывается девушка еще раз. – Я цельная, я не разменяваюсь по мелочам. Я не останавливаюсь на полдороге. Да и слишком серьезная я по отношению к тебе. И должна быть уверенной».

И Инфант снова приникает губами к ее губам, раз большее недоступно, и снова выискивает руками по максимуму, и снова раздается стон, и снова непонятно, откуда он взялся.

И так оно продолжается и, завихряясь, уходит в вечность…

Я перевел дыхание, оглядел собравшихся и спросил:

– Ну, как оно, нормально?

– Хорошо, хорошо. Про завихренную вечность непонятно, конечно, но это не важно. Давай раскручивай дальше, – подбодрил меня Илюха. А вот Инфант не подбодрил.

Он только звучно сглатывал что-то у себя во рту и тяжело, натужно дышал. Потому как, догадался я, он уже не здесь, а там, в лесу, у березы, с девушкой своей в легком платье с глубоким вырезом и с длинными светлыми волосами.

«Ну и пусть будет там, если ему там лучше», – подумал я по-доброму.

– Ну вот, – продолжал я, ободренный собравшимися. – И тут эту лесную идиллию, это многоголосье певчих птиц, это шуршание плотной листвы, этот порыв летнего, легкого ветерка – всю эту, одним словом, туфту… обрывают вульгарные, хамские и подозрительно нетрезвые мужские голоса. Которые наперекор идиллии и щебетанию, ну и прочему орут по-наглому уличную, дворовую песню. Что-то типа:

Вот новый поворот,
Что он принесет –
Пропасть или сброд… –

и так далее.

Короче, эти пьяные голоса с пьяной своей песней не пред-

вещают двум нашим лирическим любовникам никакой лирики.

«А!!!.. – трепетнее прежнего прижимается к Инфанту девушка и пуще прежнего бьется об него мелкой, раскатистой дрожью. – Хулиганы, – говорит она торопливым шепотом. – Мне страшно. Давай уйдем».

А солнце уже подобралось к своему закату, и в лесу повеяло вечерней зябкой прохладой, и еще туманными призраками ночной природы, и еще отсутствием милиционеров, физкультурников, егерей и вообще отсутствием кого-либо, кто мог бы вмешаться и воспрепятствовать. В общем, не по нежным девушкиным нервам сделалось в лесу.

«Да нет, – отвечает девушке ее верный Инфант, – лучше мы здесь под сенью этой березки сбережемся. Авось они нас не заметят, пройдут мимо и уберутся восвояси. И вообще, – надвигает он на нее уверенно, – тебе со мной нечего бояться. Со мной они тебе ничего не сделают».

И девушка сразу начинает бояться меньше. То есть она все еще стучится дрожью об Инфанта, но теперь значительно мельче, и вообще непонятно, по какой именно причине. Потому что девушки обычно имеют глупость полагаться на своих кавалеров. В разных вопросах, но прежде всего в вопросах местного хулиганья.

– Вот это хорошо, – отозвался Илюха. – Особенно этот поворот про то, что ей нечего бояться. Потому как если в первом акте на стене висит ружье, то в последнем оно непремен-

но должно выстрелить.

– А? Чего? – очнулся от слова «выстрелить» погрязший в мечтаниях Инфант. – У меня еще и ружье будет? Хотелось бы двустволку, чтобы обоих насильников одним залпом. Потому что когда они начнут меня… – И он пустился в ненужные словопрения, так как с детства не заладилось у него с отечественной классикой и он мало что знал про «ружье на стене» в первом и последнем акте. Он вообще мало что знал про акты, тем более театральные. Потому что был он неудачно образован, этот Инфант, особенно в драматургической области. Ну и во всех других примыкающих к ней областях.

– Так вот, – нисколько не отвлекся я, – девушка дрожит меньше, а хулиганские голоса раздаются все громче. То есть по всем приметам движутся подвыпившие хулиганы прямо к той самой полянке, на которой страстно расположились влюбленные. Как будто у хулиганов какой-то специальный нюх на этих влюбленных выработан. Или же они какой-нибудь аппарат используют, чутко улавливающий наэлектризованное сверх меры поле, распространяемое сексуально возбужденным Инфантом. Да и девушкой распространяемое тоже. Что-то вроде миноискателя. То есть просто-напросто безошибочно они направление выбирают.

«Бежим, бежим скорее», – шепчет нежная девушка.

А песня про поворот раздается все ближе и все агрессивнее.

«Да нет, затаимся лучше», – прижимает ее плотнее к березке Инфант.

И тут два хулигана в обнимочку, такой абсолютно хулиганской походкой вваливаются на поляну. И оба влюбленных, увидев их, наконец, воочию, по одному их виду понимают – хулиганы. А девушка еще и понимает – насильники.

Тут я посмотрел на одного из предстоящих хулиганов, сидящего здесь же, напротив, и балдеющего вполне от моего изобразительного описания. Плохой из него выходил хулиган, ненатуральный, неестественный. Такой и ребенка, ночью забредшего на заброшенное кладбище, напугать не сможет, не то что взрослую девушку в приличном московском парке.

– Б. Б., – предложил я Илюхе, – тебе все же надо както преобразиться. В смысле внешность поменять. Огрубеть, что ли, повадки другие освоить – более жесткие, развязные. Иначе не быть тебе преуспевающим насильником. Ты сам в свободное время подумай об этом.

И Илюха согласно кивнул, понимая.

– Может, ему шрам через всю щеку засадить? Свежий? – предложил не в меру возбужденный Инфант, но не нашел среди нас отклика.

– Ну, ну, давай продолжай, – поторопил меня Илюха. – Здорово у тебя, стариканер, все же получается, гладко и образно. Вот учись, Инфант, у товарища, смотри, каким мастер

своего дела должен быть. Не то что ты! Тебе лишь бы в живого человека чем-нибудь засадить. В девушку не получается, так в меня хочет. Шрам, говорит, свежий. Надо же, придумал. Ну ладно, давай, Розик, плети узор повествований, двигай пьесу к зениту.

– Ну а дальше, – продолжил я, – завязывается между ними диалог, ну между влюбленными и хулиганами. Хулиганы некрасиво ерничают, издеваются, пошлостями всякими грубят и намеками откровенными девушку запугивают. Может быть, даже ненормативная лексика где-нибудь проскользнет. Но над ней мне особенно тщательно поработать придется, когда я буду текст диалогов составлять, над каждой ненормативной фразой в отдельности. Потому что ненорматив, чтобы он искренний и смачный вышел, – это особый и очень тонкий труд. С ним легко на фальшь сбиться.

Я засомневался на секунду: а смогу ли? Не взялся ли за непосильную задачу? Хватит ли дарования? И сам себе ответил – хватит! А значит, отбросил сомнения и вернулся к «сцене на полянке».

– Инфант же хулиганов нисколько не боится и дерзко им противостоит, смело выпирая грудь и защищая таким образом честь своей возлюбленной. Девушка молчит, как пойманный в ловушку партизан, она вообще с большим удовольствием дала бы давно деру, но Инфант ее придерживает руками, чтобы не сдвигалась далеко в сторону. В общем, – объяснил я участникам драмы еще раз, – диалоги я потом рас-

пишу по ролям и предоставлю заранее, чтобы все подучили немного. Ну а потом, когда переговоры срываются и приводят абсолютно ни к чему, хулиганы подступают полукругом и начинается физическое измывательство над Инфантом. Иными словами, сплошное массивное избиение.

– Вот это хорошо, – согласился Илюха. – Это грамотно, про измывательство, давно пора поизмываться над ним вволю.

А вот Инфанту идея не понравилась. Он тут же встрепенулся, эмоционально возражая:

– Как избиение? Как это массивное? Зачем? Для чего? Не надо избиения! Ведь мы девушку собирались насиловать, не меня же.

– Можно и тебя заодно, – произнес себе под нос Илюха, но не злобно произнес. Скорее по-дружески, с доброй назидательной усмешкой.

– Да ладно, все путем, Инфантище, не дрейфь, – перешел я на хулиганский жаргончик. Потому что привык в роль вживаться заранее и наверняка. – Кончай менживаться. Матрос ребенка не обидит.

Но Инфант менживаться не кончил.

– Каким таким путем? – заявил он крайне скептически. – А кто про массивное избиение упоминал?

– В театр тебе надо бы сходить, Инфантик. Хотя бы раз. Ну ладно театр. Ты кино смотрел? Видел там драки и смертоубийство? Так вот я тебе сейчас секрет приоткрою. –

Я выдержал небольшую паузу. – Актеры до сих пор живы и во время съемок совсем не пострадали. Одну сплошную симуляцию ты на экране наблюдал, полное дураченье наивной публики. Вот и мы так же с твоей девушкой поступим. Мы только сделаем вид, что тебя бьем, а на самом деле ты и не почувствуешь ничего. Плохого, во всяком случае.

– Ну, не знаю. Я бы так опрометчиво не обещал, – снова пробурчал под себя Б. Б.

А Инфант молчал и обдумывал.

– Так что, – вдруг осенило его, – вы и Наталью насиловать не будете?

– Почему же, почему же… – снова пробубнил Илюха, но я его заглушил.

– Ты чего, Инфантик? – не поверил я. – Тебе, похоже, не только твоя девушка не дает, тебе вообще мало что в жизни само добровольно дается. А если ты и добираешься до чего-то, то только после длительного, тяжелого, изнуряющего труда. Зачем нам ее насиловать? Нам и так хватает. Мы ведь все это для тебя устраиваем, забыл, что ли?

– А… – протянул удовлетворенно Инфант, и мой план сразу стал вызывать у него значительно больше доверия.

– Короче, общая диспозиция такая. Мы Инфанта якобы избиваем, но так, что девушка о «якобы» ничего не подозревает. А наоборот, в ее помраченном сознании все выглядит до ужаса серьезно. В результате Инфант падает обессиленный на колкий лесной настил, а мы тут же переориентиру-

емся на девушку. Как ее имя-то? Ну да ладно. Так вот, начинаем ее недвусмысленно домогаться, за руки дергать, предложения грязные ей делать, ну, может, схватим разок для пущей убедительности за что-нибудь округлое. То есть мы всем своим рукоприкладством демонстрируем свою неприкрытую сексуальную агрессивность. И может быть, мы ее и проявили бы, агрессивность эту, – тут я обвел внимательным взглядом участников и остановился на одном из них, – но ошибка наша, Б. Б., в том, что мы начисто позабыли о мужественном Инфанте.

И я снова обвел окружающих выжидательным взглядом.

– Нам-то казалось, что он бесчувственно лежит на мягком лесном настиле, но, оказывается, мы ошиблись. Недооценили мы его. Оказывается, он не бесчувственно лежит, а наоборот – вполне чувственно лежит. Да и то недолго. Видишь ли, Б. Б., дело в том, что мы, увлеченные своей сексуальной агрессией, не замечаем, как приподнимает Инфант свою избитую, но не сломленную голову, как вглядывается он мутными зрачками в начинающийся сгущаться сумрак. И там, в сумраке, размытые контуры трех фигур начинают постепенно проясняться, и видит Инфант одну напуганную девушку и двух откровенных насильников. А когда приглядывается, понимает, что это его собственная девушка, та самая, которая так долго ему не давала. И вот сейчас, прямо на его глазах, она может стать легкой сексуальной добычей двух не заслуживших ее халявщиков. Ну кто от такого

не разъярится? Особенно если сам до этого безрезультатно ухаживал за ней целый месяц? И все воздерживался и воздерживался, как теперь выясняется, совершенно напрасно. Вот и обычно уравновешенный Инфант, завидев такую жгучую несправедливость, не на шутку разъярился. И дал волю своей ничем не сдерживаемой ярости. И как выяснилось, Б. Б., разъяренный Инфант – это страшная история не только для женщин.

– Это точно, – закивал Илюха, соглашаясь.

– Короче, лихо подлетает он к нам, как будто не били и не колотили мы его до этого наотмашь, и точными, натренированными ударами рук повергает нас наземь и продолжает добивать тупыми носками своих мягких ботинок. Ты смотри, Инфант, мягкие ботинки не забудь надеть, с обязательно тупыми носками. А то я знаю тебя, ты вполне можешь не рассчитать ярости удара.

– Вот здесь, – не согласился Илюха, – ты, товарищ сценарист, немного погорячился. И переборщил. Чего-то очень громоздко у тебя получилось, перемудрил ты с тем, как он нас бить будет. При чем тут ботинки и зачем вообще нас добивать? Руками вполне достаточно будет. И не надо нам повергаться наземь, нам куда проще в чащу леса ретироваться на заранее подготовленные позиции. Потому что насильники – они вообще трусливые в душе, и если им сопротивление оказывают, они не бьются до последнего издыхания, а пытаются тут же малодушно убежать. Так что давай не извращать

давно разработанный и отточенный образ.

– Старикашка, – пригрозил я, – не вмешивайся в производственный процесс. Расплескаешь. Хотя про бегство – это разумно, бегство усиливает действие, добавляет «экшен», как сейчас говорят в кинематографе. Да и на девушку улепетывающее в панике хулиганье произведет куда как более сильное впечатление, чем примитивное избитое хулиганье. Так что, Инфант, Б. Б. прав, можешь любые ботинки надевать, мы падать наземь не будем, мы лучше убежим по-быстрому.

– Вот так хорошо, так правильно, – согласился со мной Илюха и расслабленно откинулся на кресло.

– Ну вот, Инфантище, – продолжил я, – в результате ты, побитый и поцарапанный, а мы тебя обязательно поцарапаем немного для достоверности, спасаешь несчастную, уже наполовину сломленную и приготовившуюся к насилию девушку, как бы ее ни звали. И сразу в ее глазах ты становишься беспрекословным громовержцем, полноценным героем и несравненным победителем в неравном бою. А девушки, поверь мне на слово, громовержцам практически никогда не отказывают. Вот и она не сможет тебе не дать после такого. К тому же как ей иначе благодарность свою выказать, когда она на предельном эмоциональном взводе находится, не успокоившаяся еще от только что перенесенного возбуждения. Ведь лучшая благодарность за избавление от насильственного секса – это добровольный секс с самим избавите-

лем. Который к тому же уже ухаживал честно целых двадцать восемь дней и отработал по самой полной программе. Так что тут без вариантов – она обязательно тебе, Инфант, даст, прямо здесь же, на мягкой травке, согретой каплями нашей с Б. Бородовым крови.

– Не надо крови, – опять напрягся Б. Бородов, но я промолчал. Ну что сделать, если он в сценических спецэффектах ничего не понимает?

– Ну как планчик? – поинтересовался я, когда все перевели дух.

– Ну что, стариканер, – первым отозвался Илюха, потому что ошеломленный Инфант пока был лишь способен на то, чтобы молча отмаргивать от себя глазами воздух. Их взгляд уже, казалось, устремился в недалекое будущее, где ему гарантировано было место громовержца, героя, обладателя, ну и всего остального, что ему тут наобещали. – Ну что, – повторил Илюха, – если честно, то впечатляет. Здорово ты все по местам расставил, красиво. Ну действительно, кто после такого откажет спасителю-то? Да любой последнее отдаст. Хотя здесь, – прикинул Илюха разумно, – в вопросе сексуальной благодарности, последнего как бы и не бывает. Молодец, Розик, работает в тебе творческая жилка. Процует, если на польский перевести.

Тут и Инфант вышел из своих коматозных мечтаний и тоже подключился к беседе.

– Я только одного не понял, – произнес он со свежей волной любознательности. – Что же с ружьем делать? Мне что, совсем из него не стрелять, а только прикладом вас пару раз по хребту двинуть? Или все-таки пальнуть для острастки?

– Для острастки кого? – задал обеспокоенный вопрос Илюха, ловя при этом мой многозначительный взгляд и пожимая в ответ недоуменно плечами.

Вот так мы сначала с Илюхой попереглядывались, а потом зачарованно заглянули Инфанту в глубину его лица, внимательно осматривая самые отдаленные места. Нам все же стало интересно: притворяется он так искусно или на самом деле умеет естественно отрываться от реального мира, как не каждому дано? Чудит ли он умышленно, как порой с ним бывает, или неподдельно естественен?

Мы заглядывали, осматривали и так и не смогли понять. Видимо, там, внутри, у Инфанта все так перепуталось и сбилось в клубок, что без специальных приборов было не разобраться.

– Да… – пришел я к выводу после осмотра, – без репетиции никак. А то он тут такого наимпровизирует… так пальнет… так всех нас отстращает до неузнаваемости… Да и какой нормальный спектакль без репетиций?

– Это правильно, – согласился Илюха, все еще подозрительно косясь на Инфанта. – К тому же вот ты, например, говорил, полянка… А какая полянка, какая березка? Надо ведь их выбрать. И главное, вот этому, – он указал глазами

на «вот этого», – надо каждый шаг и каждое движение выверить, чтобы он ни шагу в сторону, ни лишнего взмаха рукой. А если все же шагнет в сторону, то стреляем без предупреждения.

– Так чего, – снова попытался уточнить Инфант, – стрелять все-таки будем? У меня одностволка где-то на антресолях валяется, от деда-большевика сохранилась.

Илюха посмотрел на меня в недоумении и выразил словами то, о чем каждый из нас только что думал.

– Ты с ним дольше знаком, – обратился Илюха ко мне за советом. – Он чего, действительно такой или все-таки притворяется так искусно?

И я снова задумался. Конечно, не исключено было, что он притворялся, этот Инфант, подыгрывал, так сказать, с детства выбранному образу. И вообще, он любил иногда своеобразно почудить. Незаметно, едва-едва, так, чтобы ненатренированному взгляду его чудачество сложно было отличить от реальной жизни.

Хотя, если разобраться, кто из царствующих особ не чудит, особенно когда с подданными своими? А Инфант-то, кстати, был самых что ни на есть королевских кровей.

Глава 4
За двое суток и двадцать четыре часа до кульминации

Вот теперь, похоже, настало время мне объяснить про Инфанта и рассказать про него всю правду. Какая бы она ни была. А то ведь действительно непонятно, почему именно зовется он «Инфант», как могли родители его таким именем наречь. К тому же давно обещал рассказать.

Итак, жило-было где-то в Средние века государство Лифляндия. Государство не государство, но герцогство было точно. Где, как и в каждом порядочном герцогстве, был герцог, который им и заправлял, и назывался по-ихнему, по-лифляндски, вроде как курфюрст или что-то в этом роде. Был он наверняка герцогом вполне католическим, а может, протестантским, а скорее всего лютеранским, что за занавесью веков перестало быть существенным.

Но любой мой рассказ независимо от рассматриваемого века и изучаемой страны, так или иначе, впрямую или побочно, всегда соприкасается с любовью. Вот и здесь не сделал я исключения. Да что там я – сама жизнь не сделала: и здесь замешала она коварницу-любовь.

Проживала в том лифляндском курфюрстовстве некая приезжая селянка, красоты весьма примечательной, просто

библейской, просто Суламифь, Эсфирь, Сара с Ребеккой.

Волосы рыжие, огненные, густые, колдовские, глаза на пол-лица формы вопрошающего миндаля серым цветом отблескивают. Впрочем, серый он лишь порой, а порой от смеха искрящегося голубизной в тебя ударяет. Тело гибкое, гнущееся, но женственное – знаете, такое сочетание убийственное бывает – гибкое и, кажется, хрупкое, но такое очень женственное, со всеми этими плавными переходами от покатых плеч… от бедер… Редкое такое сочетание, которое лишь на полотнах старых мастеров, как правило, итальянской и фламандской школы, встречается. Да еще в жизни иногда.

И вся она так и светится этой женственностью своей дивной, которая обещает тебе и развратную любовь наложницы, и нежную материнскую любовь, и заботливую любовь сестры. Ведь бывает такая многомерная женственность и многомерная любовь, которой нет сил и желания противостоять. Да и зачем?

Так вот, один из курфюрстов увидел нашу красавицу, и не дурак он был, даром что герцог, и понял сразу, что ни трон его, ни звания, ни мундир с эполетами, ни даже его предполагаемая белесая курфюрстка – не стоят они ничего по сравнению с любовью. И с единственной правдой счастья, которую только любовь и приносит. А поняв все это, бросил он всю эту обузу к чертовой матери и пал к ногам средневековой нашей Ребекки, и пожалела она его, и приняла.

Что она в нем нашла, это загадка, конечно: ну, подумаешь, курфюрст, мало ли их всяких – вон на Инфанта нашего хотя бы посмотри. Но так или иначе, пожалела она его, и оставил курфюрст трон и мантию, и поселились они в маленьком городке, и зажили счастливо, и народили деток.

Так с той самой поры и образовалось две ветви курфюрстов: одна – лютеранская, другая – совершенно обратная. Но те, которые из лютеранской, оказались как-то так развеяны по пространству истории – сами знаете, времена в Средние века были крутые, нестабильные, типа теперешних. И кто знает, может, пали они в честном бою от руки какого-нибудь тевтонского рыцаря, а может быть, наоборот, поотравляли друг дружку по одному в дворцовых своих интригах. Так или иначе, но факт тот, что откромсали ветвь, даже сучка не осталось.

А вот другая ветвь выжила и дожила до нашего сегодняшнего повествования, и даже, похоже, неплохо себя чувствует, если по Инфанту нашему судить.

Встретил же я Инфанта в ранней студенческой юности, когда детские, материнские черты еще доминировали в его подозрительно не сложившейся, несуразной фигуре. И поэтому, когда мы узнали его генеалогические откровения, ну, про курфюрство, его предками добровольно оставленное, как-то сразу само собой и возникло такое законное прозвище: «Инфант». Так оно за ним и осталось. И в принципе мы

все давно позабыли его естественное нареченное имя, а те, кто узнал Инфанта позже, даже и не знали его. Да он и сам уже не помнил.

Впрочем, Инфант всегда вел себя скромно, на владения свои законные где-то у Балтийского моря никогда не претендовал, хотя прав у него было хоть отбавляй. Мы тем не менее не могли пропустить такой удачи и тайком от литовских бдительных органов сформировали правительство в изгнании при Инфанте. Или, как мы его конспиративно называли (кто их знал, эти органы, еще не поняли бы шутки), опекунский совет.

Там много было постов, в этом правительстве. Б. Бородов был назначен «Министром Финансов», так как, во-первых, он вообще по финансовой части специализировался, а во-вторых, у него, как правило, денег оказывалось несколько побольше, чем у нас. И он порой финансировал некоторые наши проекты. Не то чтобы очень обильно, но вполне в соответствии с запросами.

Я в том правительстве тоже присутствовал, занимая, в соответствии с французской моделью, скромный пост «Министра Внешних Сношений». И получалось, что я в ответе за всех членов кабинета и за все их внешние сношения. А значит, разработка акций по улучшению количества и качества этих сношений непосредственно входила в мои обязанности. Вот как данная операция в лесу в поддержку Инфанта.

Поэтому некоторые члены правительства, которые сами с личной своей жизнью справлялись с натяжкой, меня немного побаивались. Именно потому, что я мог, если осерчаю, им в своих услугах отказать и оставить их в будущем без необходимой для них отдушины.

Встречались в кабинете и женщины, потому что феминизация и общая политическая корректность требовали того. И вообще, симпатично, когда вокруг тебя женщины в правительстве. Вот, например, «Министр Образования» или «Министр Культуры» две очень культурные и образованные женщины, с которыми поговорить приятно, потому что всегда они оказывались в курсе всех культурных и образовательных событий. Жека, кстати, была назначена «Министром Социальных Реформ», потому что она вообще всегда и везде за реформацию выступала. Особенно в социальной сфере. Кроме того, была еще одна женщина, которая… Да ладно, к чему всех женщин перечислять.

Был также, в соответствии с американской моделью, назначен и «Советник по Национальной Безопасности» вместе с соответствующим силовым аппаратом. Потому что Инфанту по вопросам национальной безопасности приходилось порой советовать.

То есть вообще сформировалось вполне полноценное, полнокровное правительство, хоть бери и на коммерческие рельсы переводи. Но мы не переводили, нам и без рельсов неплохо было.

Инфанту тоже скоро наскучило без портфеля, и опекунский совет назначил его, не мудрствуя лукаво, на пост «Министра Внутренних Сношений». С чем Инфант без труда, а даже порой с удовольствием, справлялся. Вот как сейчас, например, сидя у себя в коммунальной квартире на какой-то Ямской-Тверской и вставляя чудаковатые вопросы в план готовящейся операции.

Глава 5
За двое суток и двадцать два часа до кульминации

– Итак, репетиция назначается на послезавтра, – сообщил я. – Сразу генеральная, чтобы роли выучили и слова знали назубок. Я вам завтра расписанные диалоги раздам. Хоть всю ночь учите, но чтоб без заминки от вас отскакивало, а главное, чтоб без импровизации ненужной обошлось. Я утром в Сокольники съезжу, полянку подходящую подберу. Чтобы глухая была, но и живописная одновременно. А послезавтра мизансцены все отработаем, чтобы все свои места знали.

– Профессионал, – снова восторгнулся мной Илюха. – Я к тому, Инфант, что посмотри, как человек ответственно к делу относится, как беспокоится за него. За тебя, Инфант, иными словами. Оправдывает высокое звание «Министра Внешних Сношений». Вот если бы все в нашей стране так преданно к своему делу подходили, то и стабилизационный денежный фонд можно было бы не копить по кубышкам, а на благо народа пустить. А если, как сейчас, сгоряча его пустишь, то народ во имя собственного блага весь фонд и умыкнет незаметно. Понимаешь, Инфант, в чем экономическая трагедия всей страны? Фонд имеется, пустить его хо-

чется, просто невтерпеж иногда становится, а нельзя. Исчезнет сразу весь фонд, враз существовать перестанет. Это я тебе как экономист говорю. Сечешь?

Но Инфант не сек.

– Чего? Кого на благо стабилизировать будем? Там же, в парке, что ли? А кто такая Фонда? Артистка, что ли? Джеймс? Она что, тоже в лесу будет с нами репетировать?

Илюха снова вопросительно посмотрел на меня, я снова внимательно вгляделся в Инфанта. Нет, на сей раз он не чудил. Он был искренен – экономические проблемы страны его действительно нисколько не затрагивали. Его и собственные-то не особенно затрагивали.

– Кстати, а Инфант прав про актрису, – непредсказуемо заметил Илюха. – Кто на репетиции будет девушку Инфантову представлять? Ненатуральная репетиция без девушки получится.

– А действительно, кто? – ответил я вопросом на вопрос.

И мы бы снова стали долго думать, но тут зазвонил телефон.

– Жека, – объявил Инфант и включил громкую телефонную связь, потому что про Жеку нам всем было интересно. Да и ей про нас про всех не меньше.

– Так чего вам надо было? Зачем звонили? Опять весь процесс мне поломали, – начала сетовать она.

– Отстрелялась? – в свою очередь спросил я.

– Ну да, только все мимо цели, – вздохнула она в телефон.

– А чего так быстро? – задал Инфант нетактичный вопрос, но Жека лишь снова вздохнула.

– Не переживай… подумаешь, быстро, – утешил я ее. – Быстро – это ерунда, со всеми иногда случается. К тому же не забывай: есть стайеры, а есть спринтеры. И не так, что стайеры обязательно лучше спринтеров подготовлены. Иной спринтер так свою короткую дистанцию прошпарит, что все вокруг задыхаются от восторга.

– Да какой там восторг! – раздался подломленный Жекин голос. – Не было восторга! Вообще ничего не было! Не получилось у нас.

– А… – начал злорадно посмеиваться Инфант, которому идея, что не получаться может не только у него, была просто как бальзам на больные части тела. – Сплоховал, значит, паренек.

– Да при чем тут паренек? – эмоционально разнесся по комнате Жекин голос. – У меня самой не получилось…

Теперь пауза наступила на нашем конце – недоуменная, вопросительная. Мы осматривали друг друга, и в каждом нашем взгляде звучал вопрос: «Как такое может быть? Может, мы не понимаем чего? Надо же, столько, казалось бы, прожили, казалось бы, было время разобраться во всем. А не понимаем…»

– Как это – не получилось? Как у тебя может не получиться? – обратил я к Жеке наше общее изумление.

– Да вот так, не получилось, и все. Я же говорю, одни при-

дурки попадаются, особенно последнее время.

– Неужели спазм? – неуверенно проговорил Илюха. – Неужели полное закрытие шлюзов? Неужели все это не выдуманные детские сексуальные страшилки, а совершенная реальность?

– Какой спазм? Какие шлюзы? Вы чего, ночью по Москве-реке сплавлялись? – тут же заинтересовался Инфант, которого родители в детстве от сексуальных страшилок, видимо, оберегали.

Но ему, как всегда, никто не поспешил разъяснять.

– Да откуда там спазм? Спазмы только у вас бывают. Говорят, они вам облегчение приносят, хоть и не продолжительное, – еще более занервничала Жека. – Говорю, не получилось, и все! И вообще, дураки вы все…

Тут мы поняли, что она на самом деле огорчена неудачей и не надо больше заострять – с кем, в конце концов, не бывает? А наоборот, надо заострять на светлом и позитивном.

– Слушай, Жек, – смахнул я с себя оцепенение. – Давай двигай к нам.

– Да… – засомневалась Жека, – а зачем?

– Есть дело, – пообещал я ей. – Да и вообще у нас веселее, и стрессов никаких, и ответственности. Никто тут у нас ни время не замеряет, ни дистанцию. Каждый управляется, как силы и умение позволяют. И никаких нареканий со стороны, никаких претензий.

– Ну ладно, сейчас приеду, а то хвостик чего-то совсем

поник, – пообещала она, и голос ее оборвался где-то в подземных телефонных кабелях.

Мы задумались.

– Как это у женщины может не получиться? – обвел я вопросительным взглядом сидящих в комнате мужчин.

Но те лишь молчали и обводили ответными взглядами меня.

– Стариканер, – спросил Илюха, когда первое оцепенение с нас немного сошло, – о каком хвостике она в конце разговора упомянула? Про хвостик ты ничего никогда не рассказывал.

– А… – протянул я двусмысленно, – есть у нее один небольшой хвостик.

– А копыт у нее нету? – как всегда вышел за грань разумных фантазий Инфант, и я вопрос проигнорировал.

– Давай, давай, докладывай про хвостик, – начал настаивать Б. Б., и мне пришлось уступить. Не сразу, но в результате.

– В общем, это все несколько лет тому назад было, – начал рассказывать я. – Года четыре, а то и пять. Помнишь, Б. Б., ты меня тогда порекомендовал консультантом в компанию по производству… – Тут я задумался. – В общем, не помню, по какому именно производству, но это и не важно. Ведь для нас, для тех, кто с открытой душой к делу подходит, да так, чтобы каждый раз по нестандартному, еще не проторенному пути пройти, нам, в общем-то, и не важно, от-

куда эти пути выходят и куда потом заворачивают. Нам все равно: бизнес ли из кризиса выводить, книги ли сочинять, живописью ли увлекаться, или вот, например, как сейчас, направлять Инфантову женщину по сексуальному направлению в сторону Инфанта. Мы, можно сказать, универсальные – нам главное, чтобы задача была позаковырестее и чтоб наш полет не ограничивал никто. Потому что если мы уже взялись не на шутку, то нам разбежаться как следует требуется перед взлетом. Вот из такой мы породы людей…

Тут они оба – и Инфант, и Илюха – закивали с пониманием головами, соглашаясь как бы.

– Короче, вот они меня и наняли, чтобы я все их бизнес-проблемы развеял по ветру. Контора эта, куда я наведывался, располагалась в большом здании, этажей этак на двадцать, и на каждом находилась тьма других служебных контор. А по соседству, совсем близко, был спортивный комплекс, типа фитнес, и в том числе два крытых теннисных корта. И вот многие сотрудники из нашего здания объединились и арендовали на этих теннисных кортах вечерние часы.

Инфант с Илюхой снова с пониманием закивали головами.

– Проблема тем не менее заключалась в том, – продолжал я, – что никто из собравшихся в теннис как следует играть не умел. Особенно женщины. Но всем страстно хотелось научиться. Опять же, особенно женщинам. Вот я и организовал женскую тренировочную секцию по игре в теннис.

– А ты разве сам умеешь? – засомневался во мне Инфант.

– Не умею, – ответил я честно. – Вернее, кое на что я по телевизору насмотрелся – например, как ракетку в руках держать, как замахиваться и прочие технические тонкости. Но так, чтобы играть, в полном смысле этого слова, с этим у меня действительно не все ладно. Впрочем, те, кто в теннисе разбирается хорошо, те знают, что там от азов до игры – дистанция редко проходимая. Ну а мы с азов, как и полагается, начали. К тому же одно дело – уметь играть самому, другое – учить других. Разные совершенно вещи. А я к тому, чтобы учить других, всегда тяготел. Тем более женщин, стремящихся к интеллигентной и изящной игре в мячик.

– Ну это понятно, – согласился Инфант.

– Так вот, там у меня организовалась достаточно приличная группа теннисисток. Во всех отношениях приличная – по возрастным данным, по внешним и даже по спортивным. А некоторые так вообще одаренными оказались, и тоже во всех отношениях. Не хуже, чем в штатовской школе Боллитери, которая тоже в основном на хрупких плечах наших девушек выезжает. И вот среди большого числа участниц я и состоял теннисным руководителем и единственным тренером.

– Молодец, стариканер, – одобрил Илюха. – Грамотно ты все тогда организовал. Я теннисисток твоих совсем неплохо помню, эффектные были теннисистки. Все в белом приходили и в коротком, многое на теле обнажающем. А зимой,

когда вокруг тебя большинство людей плотно одеты, по обнаженным кусочкам тела особенно остро скучаешь. Именно почему-то зимой.

– Зимой вообще многое по-другому высвечивается, – согласился я. – То, что летом воспринимаешь как должное, что и не замечаешь даже, по всему этому зимой порой тосковать сильно начинаешь. И не только мы начинаем, женщины тоскуют пуще других. Оттого они игру в теннис и полюбили так искренне, что она напоминала им о летней, праздной безалаберности. В движениях напоминала, и в одежде, конечно, тоже. Ведь в теннисе для женщины что главное? Главное – не голы забивать и даже не по мячику метко попадать, а в правильную спортивную одежду переодеваться. Чтобы обязательно маечка обтягивающая и юбочка коротенькая, сильно выше коленок, и чтобы носочки чуть-чуть до лодыжек не доставали. Да так, чтобы все это идеально белое было и приятно пахло свежестираным. А еще чтобы все мужчины, и особенно мужчины-тренеры, типа меня, глазели на тебя, не скрывая вожделения. И даже об этом трахнутом теннисе позабывали на некоторое время.

Тут я выдержал небольшую паузу.

– Вот поэтому я в спортивных штанах или в шортах просто не допускал никого к тренировкам. Потому что дисциплина в спорте – немаловажная вещь.

– На Уимблдоне, кстати, точно такие же требования, как у тебя, – поддержал меня Илюха. – Исключительно белые

короткие юбочки и никаких шортов. Потому, видать, он из всех теннисных турниров и стал самым авторитетным.

– Следующий самый важный после юбочки элемент в теннисе, – продолжил я, – это стойку правильную научиться принимать в ожидании подачи соперника. Так, чтобы ножки в коленках согнуты чуть-чуть и в стороны немного разведены, и прогиб в спине, и наклон всего корпуса несколько вниз. Да чтобы желательно задняя, нижняя часть спины, та, что многими называется «попкой», назад отчетливо отходила и выделялась там отдельно, просто жила автономно сама по себе. От остального тела – автономно. Итак, стал я своим курсисткам вырабатывать эту хорошо знакомую нам по повседневной жизни, вполне естественную для любой женщины стойку. А если кому и не по повседневной знакомую, то, во всяком случае, по страницам иллюстрированных журналов.

– Ага, – сказал Инфант, видимо припоминая что-то.

– Потому что в судьбе любой женщины эта стойка много чего значит, а для женщины-теннисистки ее и переоценить невозможно. И что странно: ведь кажется, не сложно правильную стойку принять, кажется, у всех должно легко получаться? А получается далеко не у всех.

– Да, не у всех, – подтвердил вслед за мной Илюха. – Потому что тут природный талант требуется. А у кого-то его нет. А у кого-то еще не сформировался как следует. – И он тоже качнул обеспокоенно головой.

– Хотя бы взять тех же теннисисток, – продолжал развивать я тему. – Мало того что они сами женщины, так еще и профессионалки. А ведь не у каждой абсолютно правильная стойка выходит. Хотя сколько они на корте времени проводят, тренируются? А не выходит… Вы думаете, почему наши теннисные девчонки во всем мире сейчас такие популярные стали? Потому что наша российская теннисная школа наконец-то правильную стойку для женского тенниса разработала. И некоторые, которые особенно способные, ее освоили. И как выяснилось, у тех, у кого она наиболее удачная, им в соревнованиях побеждать совершенно не обязательно. Главное – выйти на корт и правильную стойку перед телевизионной камерой занять.

– Потому женский теннис и опережает по популярности мужской, – подтвердил мою мысль Илюха.

– Вот и я по тому же теннисному пути со своими подопечными и пошел. Так что мы в основном и занимались разучиванием и постановкой этой позы. Сейчас опишу технологию. Из моих курсисток выстраивается очередь. Первая из очереди занимает середину корта и стоит, расслабленно оперевшись на ракетку, не зная, чего с ней делать и откуда чего ожидать. А тут незаметно подбираюсь я и бью ее сзади под коленки, так что она оседает в них немного. При этом я одновременно обхватываю ее рукой за живот и тут же вытягиваю его назад, но так, чтобы грудь, наоборот, двинулась максимально вперед. Вот так к нужной стойке ее и приноравли-

ваю, формирую навык. Который в любом случае ей в жизни еще не раз пригодится.

– Молодец, молодец, – закивали головами мои слушатели. – Нужное, полезное дело затеял.

– А потом учу ее в такой позе еще пару раз невысоко подпрыгнуть и, главное, внимательно сконцентрироваться всеми органами чувств. Потому что подача соперника может начаться в любой момент. И надо быть всегда к ней готовой. А как курсистка достаточно сконцентрировалась, меняю ее на другую, даже если следующая уступает в спортивной одаренности предыдущей. Потому что для тенниса, как и для жизни в целом, мы все равны. И все в равной степени должны попробовать.

– Это точно, – добавил Инфант, о чем-то немного вздыхая.

– В общем, – заключил я, – они все очень довольны оказывались, и очередь с каждым занятием все росла и росла. А вместе с ней и слава обо мне. Добрая народная слава.

– И что, никто не обижался? – удивился Илюха. – Ну, что не одна она у тебя, а целая очередь? Которую ты, исходя из своих же слов, рукоприкладствовал поочередно.

– А чего им обижаться? Они ведь на приеме у врача не обижаются, что у того не только одна пациентка. Ну а насчет прикладства всякого разного… Знаете, друзья, какой я самый главный урок извлек?

Все насторожились, желая услышать про урок.

– Я понял, что ради игры в теннис женщина многое может простить. Тренеры – они ведь как те же врачи или, скажем, партнеры в балете – какие перед ними секреты? Никаких! Ни секретов, ни запретов. Потому что если она тебе доверилась в чем-то одном, то и во всем другом ей необходимо тебе доверять. Тут главное – начать с какого-то одного доверия, чтобы оно за собой все остальные потянуло. Вот они и доверяли мне беспредельно.

– Ну и как, научил ты их в теннис играть? – раздался следующий вопрос из зала.

– Знаете, – философски заметил я, – это смотря что под теннисом понимать. Там ведь куча всяких сложных технических трюков имеется. Конечно же, всех их передать своим ученицам я не смог, сам не очень умею, да и слишком много учениц оказалось в результате. Вот если бы индивидуальные занятия – тогда другое дело, а так пришлось только по азам пройтись, по базовой технике. Но некоторые в стойку стали вставать довольно-таки бойко, их даже особенно и переучивать не потребовалось, так, под коленки разок подтолкнуть, и достаточно. В общем, молодцы девчонки оказались.

– Ну а удары? – не отставали от меня с вопросами слушатели.

– Какие удары? – попросил уточнить я вопрос.

– Ну как? – уточнил один из присутствующих. – Удары по мячу. Справа, слева, плоский, подрезка, кросс, топ-спин, воллей при выходе к сетке. Много там разных примочек есть,

если хочешь по мячику ударить.

Я неприязненно посмотрел на уточняющего. Им оказался Б. Бородов. А еще оказалось, что он про топ-спины знает. Где? Откуда? – непонятно. Но если ты такой эрудированный, нечего вопросы ненужные задавать – иди и сам поднимай общий теннисный уровень среди начинающих. Но я сдержался и не вступил в спор, а взамен сказал скорее примирительно:

– Да какие там мячики, Б. Б. Разве дело в мячиках? Ты как-то узко мыслишь, прямолинейно слишком. Спорт – он про братство и про желание стать лучше, симпатичнее духом и телом. А женский спорт, тем более массовый, он еще про что-то призрачное, ускользающее, что даже я, бывший женский тренер, до конца осознать не могу. А ты говоришь – мячики! Да у нас их и не было, по-моему. К чему они, когда столько времени на стойку уходило?

– Ну и при чем тут Жека? – пробился со своим вопросом Инфант.

– Действительно, при чем… – попытался вспомнить я. И вспомнил. – Ах, да. Вот я и говорю, стал я просто-напросто звездой среди местных женских сотрудниц, селебрити таким, если слово знаете. Меня в лицо узнавали, пальцами в спину показывали, а все потому, что я им всем правильную стойку устанавливал, особенно прогиб в спине. Хотя этот прогиб, знаете, для некоторых просто непосильным оказался. А ведь от него так много зависит в жизни…

– Это точно, – хором подхватили мои товарищи. Которые,

как и любой более-менее подготовленный мужчина, прогиб в спине ценили высоко.

– И вот как-то я стою на лестничной площадке в перерыве своего рабочего, контрактного, высокооплаченного будня, стою, прикидываю, как затейливее сегодня вечером очередь из курсисток выстроить. Чтоб на всех хватило и никому обидно не было. И тут слышу, кто-то обращается ко мне приятным таким, девичьим голосом. Оборачиваюсь, смотрю – и в самом деле девушка передо мной стоит. Очень миловидная девушка, даже привлекательная, можно сказать. И особенно мне нравится, что веселая она и жизнерадостная, и это сразу по всему ее облику заметно и на тебя самого тут же заразительно перебрасывается. Харизмой такое называется. Вот и у девушки этой легкая, завлекающая харизма оказалась, по глазам ее сразу было видно – живым, лукавым, всегда смеющимся, да и по улыбке озорной, увлекающей за собой повсюду. И вообще, сразу понятно стало, что у тех счастливчиков, кто с ней рядом, – всегда должно быть прекрасное настроение, потому что энергия от нее такая вокруг разлетается, тоже легкая, практически воздушная, невесомая. А это редко, когда легкость пронизывает человека насквозь и распространяется на окружающих, и завлекает, и манит за собой. И если встретишь такое, то хватай тут же и не отпускай и береги как зеницу ока.

Тут Илюха с Инфантом закивали головами, соглашаясь. Потому что кто ж про легкость не согласится? Правда, Ин-

фант тут же полез к нам за разъяснением двух незнакомых слов. Мол, кто такие «зеница» и «харизма». Он вообще нас часто как толковый словарь использовал, этот Инфант. Б. Бородова – как первый том, меня – как второй. И мы отзывались иногда, ну что поделаешь, если в детстве ему не повстречались многие разные слова. Главное, что жажда познания в нем сохранилась и даже с каждым годом все усиливалась и усиливалась. Да и познавать ему было легко, так как многое для него оказывалось впервой.

Хотя если говорить про «зеницу» откровенно, то с ней даже мы, я и Б. Бородов, как толковые словари сплоховали.

– Ну так вот, – продолжил я. – Значит, оборачиваюсь и вижу перед собой незнакомую девушку, невысокую, хрупкую даже, очень такую ладненькую. И она мне тут же говорит, смеясь прямо в меня своими развеселыми глазами.

«Я бы тоже, – говорит, – хотела у вас в группе в теннис поиграть. Потому что все говорят, здорово у вас там. Вы так умело под коленки всех бьете. Вроде бы все привыкли уже и ожидают даже, но каждый раз все равно неожиданно для многих получается. Некоторые говорят, что у них даже дыхание разом сбивается. Если бы, говорят, вы их за живот не придерживали, они и упасть могли бы».

Ну что сказать, конечно, приятно мне стало, что не зря я время свое людям добровольно посвящаю. Ценят меня люди.

«Ну да, методика у нас отработанная, – соглашаюсь я, раз-

мягчаясь прямо на глазах. – Так вы тоже приходите, рады будем вас видеть. Два раза в неделю. Ну-ка, покажите мне ваши «под коленки». Мне надо прикинуть, как под них подстраиваться удачнее».

Она кокетливо крутанулась на носочках на все триста шестьдесят градусов. Ну что сказать, под такие «под коленки» можно было пристроиться запросто. Более того, хотелось пристроиться, даже не терпелось.

«Да не знаю, получится ли у меня, не будет ли мне хвостик мешать», – отвечает она, а сама смеется своими глазами, просто заливается. И улыбкой лукавой, озорной тоже хохочет.

«Какой хвостик?» – не понимаю я.

«Ну как какой? Мой», – продолжает смеяться девушка.

«Да не нужен вам никакой хвостик, – успокаиваю я ее. – В теннис ракетками, по идее, играют, а не хвостиками. Но если у вас ракетки нет, то вы так приходите, потому что мы сейчас основную стойку разучиваем всей группой. Очень сложная стойка, не у всех получается с первого раза. Хотя попадаются, конечно, способные».

«Да нет, я не про ракетку, я вообще не про теннис. Я про хвостик», – навязчиво упирается девушка.

Я, конечно, ничего не понимаю, о чем ей и сообщаю. Впрочем, вполне деликатно, чтобы не повредить и без того, как мне кажется, болезненное девушкино воображение.

«Понимаете, – обращается она ко мне действительно до-

верительно. Действительно, как к доктору какому-нибудь семейному, личному. – Понимаете, хвостик у меня имеется. С детства он у меня растет. Небольшой, конечно, даже маленький, можно сказать. Вообще-то он мне не мешает совсем, даже наоборот… Но если что-нибудь уж слишком тесное, обтягивающее надену, шорты, например, или юбку узкую, тем более если короткую, то он выделяется немного. Не сильно, конечно, только контуры обрисовываются, но все равно неудобно, особенно если он вздрагивать вдруг вздумает. Глядишь, подумает еще кто-нибудь не то. Ну вы-то как мужчина должны понимать, как неловко себя можно почувствовать, когда через одежду выделяется».

Тут я пожал деликатно плечами, потому что как мужчина я неловкости от выделения через одежду контуров никогда не чувствовал. Но то ж я – грубый, поросший закостеневшей коростой мужик, а то хрупкая, наверняка тонкой душевной конструкции девушка. В принципе я мог ее понять. Практически всю мог. Всю – кроме хвостика.

«И где же он у вас?» – осторожно так, чтобы не растревожить ее, поинтересовался я.

«Да как же? – не поняла теперь она. – Где и у всех. Где хвостикам полагается быть – сзади, ну, ниже спины».

А сама смеется, и губками своими подвижными, и не менее подвижными глазками.

«Чего, правда?» – наконец доходит до меня.

«Ага», – подтверждает девушка, которая, как выяснилось

потом, и оказалась Жекой.

– Ты чего, серьезно? Так это Жека была?! – удивился Инфант полной грудью. – Ни фига себе, какой неожиданный поворот! Никогда бы не подумал.

Я посмотрел на него. Посторонний наблюдатель, Илюха, например, мог бы запросто разглядеть в моем взгляде безмерное удивление и даже зависть. Вот надо же, столько по жизни пройти, вынести детство, отрочество как-никак пережить, а все равно остаться с таким чистым, ничем не потревоженным разумом… Может быть, действительно не надо ни телевизора смотреть, ни новостей слушать, ни книжек остросюжетных читать, особенно детективы. Может, тогда живой, реальный мир значительно чаще удивлять и радовать будет?

Я решил подумать об этом поглубже, но как-нибудь потом, позже. А сейчас пора было завершать историю про наше с Жекой знакомство.

– И знаете, – стал завершать я, – как-то я сразу поверил ей, хотя человеческих хвостиков никогда раньше не видел и даже не подозревал о их существовании.

«А можно будет посмотреть как-нибудь?» – спросил я, понимая, конечно, что перехожу грань первого знакомства. Хотя по тому, как она смеялась заразительно, не похоже было, что я заступил за грань уж очень непозволительно.

«Ну, может быть, как-нибудь, – ответила она, не скрывая своего веселья. И тут же перешла к делу: – Так как, можно,

я в спортивных штанах на тренировку приду, в свободных, не сильно обтягивающих?»

«А вилять вы им умеете?» – задал я, все еще ошарашенный, самый главный вопрос.

«Умею, умею, – пообещала она мне в ответ. И тут же про свое: – Так можно в штанах?»

И я разрешил. А что мне еще было делать? Я, конечно, в вопросах дисциплины тренер принципиальный, но не до такой же абсурдной степени.

Тут я обвел взглядом аудиторию, которая просто замерла не дыша. Ни кашля, ни шороха, ни вздоха, которые обычно случаются в аудиториях. Лишь заметное сглатывание в горлах, которое им так и не удалось заглушить окончательно.

– Короче, у нее действительно оказался хвостик. Действительно небольшой, сантиметров четыре-пять, аккуратненький такой, и ничего на нем не растет. Вообще ничего, не единой волосинки. И она действительно умеет им вилять, особенно от радости, когда настроение хорошее и когда одежда не сдерживает. Ей на самом деле неудобно в плотной одежде. И вообще, с ним играться можно, особенно если руку подставлять, когда она им виляет. Щекотно очень и весело. И ей тоже весело, он вообще ей самой нравится, и любит она им помахивать, особенно по утрам вместо зарядки.

«Помашешь немного во все стороны, – говорила она мне откровенно, – и потом на целый день тонус поднимается».

Он вообще шел ей, хвостик этот. Да и сейчас, наверное, идет, я ведь про сейчас в таких деталях больше не знаю. Хотя куда ему деться, не оторвешь ведь. Да и зачем, если он только добавляет жизнерадостности в ее и так выразительной образ. Ну вы знаете ведь Жеку?

И они снова молча закивали головой: мол, знаем Жеку, может, не до таких мельчайших подробностей, но как товарища знаем хорошо. А потом Илюха оборвал паузу вопросом:

– А откуда он у нее взялся, хвостик этот? Не пришила ведь.

– С рождения, – доложил я. – Такой, знаешь, рудимент. Или атавизм, не знаю, что правильнее. Дополнительный тридцать четвертый или пятый позвонок, или какой там по номеру полагается? То есть ни у кого нет, а вот у нее с самого раннего детства образовался. Ну, в детстве, как она рассказывала, он совсем маленьким был, а с возрастом подрос немного вместе с остальным телом. Я даже медицинскую энциклопедию по этому поводу просматривал. Там так и написано, что редко такое излишество встречается. Хотя и неоднократно зарегистрировано наукой.

– Ни фига себе, как случается, – снова удивились Илюха с Инфантом и посмотрели на Жеку новыми глазами, когда она сначала позвонила в дверь, а потом прошла в комнату.

Ну разве можно смотреть на человека по-прежнему, особенно после того, как узнаешь, что у человека этого имеется

хвостик под свободной и не стягивающей одеждой. Меняет хвостик общее представление о человеке, как ни старайся ты относиться к нему по-прежнему объективно.

Глава 6
За двое суток и двадцать часов до кульминации

– Что вы тут сидите так неприкаянно? – спросила Женька и грохнула на журнальный столик полторы бутылки сухого вина. Одну целую, а другую наполовину отпитую. И они обе, даже та, что отпитая, оказались весьма кстати, потому что в Инфантовой квартире иногда появлялись загвоздки с бутылками. А все оттого, что мы слишком часто заходили к нему в гости и он не успевал своевременно пополнять запасы.

– Откуда дровишки, Жека? В смысле, сушняк откуда? – поинтересовался я. – Уже не отец ли рубит?

– Отец как раз, слышишь, ничего не рубит. Хотя я, как видите, отвожу, – ответила она своей некрасовской строчкой на мою некрасовскую строчку. А потом пояснила: – Да этот, малахольный, с которым у меня конфуз вышел, их нарубил. Думал, наверное, что я как выпью, так сразу неразборчивой стану. Ну, знаете, такой про женщин стереотип бытует. А у меня как раз все наоборот, я как вина пригублю, так во мне все чувства и восприятия чутче и обостреннее делаются. И если мне кто-то на трезвое восприятие не пришелся, то на подвыпившее у меня вообще никакого шанса

нет. Заранее знаю, не получится у меня, и все тут.

Тут мы все снова переглянулись, но беспокоить Жеку новыми расспросами про «не получится» не стали. Взамен мы спросили совсем про другое:

– Так что, выходит… Выходит, что мы столько вкусной жидкости понапрасну израсходовали, подливая многим женщинам для раскачки? Выходит, опьянение их только от нас отваживало, что ли? А мы-то думали как раз наоборот, мы думали, что с вами то же самое, что и с нами, мужиками, происходит.

– Да нет же, – пояснила Жека. – Вино, оно только обостряет, и если тебе, например, кто-то нравится, то оно лишь на пользу всем. Потому что, после того как выпьешь, симпатии в тебе только разовьются. А вот когда ты не уверена до конца, боишься, что не подойдет, тогда лучше вообще не пить. Я и не стала бы, но он все настаивал, давай да давай расслабимся… Ну вот и расслабились – он хрен знает где сейчас, а я с бутылками у вас.

– Что не так уж и плохо, – пожал плечами Илюха и начал разливать. – На фиг он нам здесь нужен, чувак твой малахольный. А вот бутылки в самый раз оказались.

– Ну да, может, так и правильней, – заметила Жека философски и поудобнее устроилась на диване. – Так зачем вы звали меня?

– Дело есть, – толково объяснил я. – Видишь ли, нам надо к изнасилованию подготовиться, а для этого заранее отрепе-

тировать его на ком-то. Вот ты в кандидатки первым номером и попала. Ты как?

– Я согласна, – мгновенно отреагировала Жека.

А как могло быть иначе? Мы же только проверенных товарищей к проекту подключаем.

– Только проясните, – попросила она вскоре. – Первое: кто именно насильничать будет?

– Мы и будем, – ответил за меня Илюха, и Жека покатилась по дивану. Сначала со смеху покатилась, а потом от хохота.

– Вы… насиловать… – И она вытащила свой палец и навела его на Илюху. – Ты насиловать… – не могла остановиться она. – Да из тебя насильник… – После каждого слова она заходилась новым приступом, да так заразительно, что на нас тоже начало перекидываться. – Как из меня Марлон Брандо какой-нибудь. – И она свалилась с дивана.

Теперь нам тоже стало смешно, потому что такая асимметричная ассоциация нашей Жеки с чужим американским актером никогда нам в голову не приходила. Особенно мне, хотя когда-то раньше я находил для нее немало асимметричных ассоциаций.

– Кто она такая, Марлена из Бордо? – тут же уцепился за незнакомое название Инфант. А потом посмотрел на бутылку красного. – Это что – там, где вино делают?

– Да нет, так артиста одного звали, он помер давно, – пояснила сквозь смех иностранное имя Жека, и Инфант от име-

ни тут же отцепился.

Мы посидели, разлили снова, отглотнули, подождали, пока она отойдет от смешного своего приступа, пока снова не станет дееспособной. И она отошла и снова уселась на диван.

– Вопрос второй… правильно… ли… я… поняла… – Ей после каждого слова приходилось останавливаться, чтобы отдышаться. – Меня вы насиловать не будете? Или будете?

– Нет, – пообещал я, – мы вообще никого не будем.

– Так я и думала, – сказала она, похоже, разочарованно.

– Смотри, – начал я, – тут дело вот в чем…

И кратенько пояснил общую задачу и общее решение про Инфанта, про его девушку, про «не дает», ну и прочее. На самом деле вкратце пояснил, минут за пять, на протяжении которых Жека все время сбивала меня своим смехом. И тем не менее проблему «не дает» она сразу оценила и прониклась ею, особенно применительно к Инфанту.

– Ты только ей пить не давай никогда. И самое главное перед… – сначала посоветовала ему Жека, а потом спросила, ежась от нескрываемого удовольствия: – Кто это все придумал?

– Да вот мы и придумали, – сознались мы. – Прямо вот здесь, прямо вот сейчас.

– Ну вы, ребята, даете, – похвалила нас Жека. – Нескучно вам жить, похоже. Да не только вам, вокруг вас тоже нескучно. Ну так где и когда действие происходить будет? – спро-

сила она снова, уточняя.

– Завтра получите текст и расписанные мизансцены, – пояснил я. – Выучите за ночь. А послезавтра в шесть я буду вас ждать у метро «Сокольники». Там в парке и отрепетируем по-настоящему.

Мы откупорили закупоренную бутылку и разлили ее тоже. Про Инфанта с его не дающей ему девушкой было в общих чертах понятно, пора было переходить к новой теме. И потому я, скорее для поддержания разговора, спросил:

– Ты почему, Жек, про своего отца сказала, что он не рубит? Я ведь с ним знаком, он производит впечатление вполне рубящего человека. Кроликов он ведь нарубил небось целую кучу. Кстати, как они, кролики? Приплод дают? Надои повышают?

– Да кто их знает, – откликнулась Жека. – Я в отцовское животноводство не вмешиваюсь.

– Какое животноводство? Какие кролики? – выпучился на Евгению Инфант, подозревая, по-видимому, что у темы про Жекин хвостик существует продолжение в виде кроликов и общего животноводства.

– Да, – ответил я за девушку, хотя она сама за себя могла не хуже ответить. – У нее, – я указал на «нее», – родители биологи, титулованные какие-то. Папка, как ты, Б.Б., на меньше доктора не тянет, да и мамаша тоже не… – Я задумался про мамашу и придумал: – …Не лаптем щи хлебает.

– Не, – согласилась Жека, сибаритствуя в свое удовольствие на диване со стаканом красного. – Совсем не лаптем. Да и не щи. Да и не хлебает. А медленно так, со вкусом.

– Ты почему, – обратился я к ней, – сама-то наукой пренебрегла? В рекламу зачем-то подалась. Тем более в пошлую, телевизионную. Ну придумываешь ты свои ролики, ну пусть даже смешные они, но кому от них польза? А вот наука, соединенная с сельским хозяйством…

– Да ладно, – огрызнулась Женька, но совсем безобидно, – на себя лучше посмотри.

И я посмотрел и ничего особенного не увидел.

– Хорошо, – согласился я. – Вернемся к родителям. В общем, они, будучи людьми еще достаточно нестарыми, решили всю эту биологию в свои собственные руки прибрать, чтобы экспериментировать на ней по своему усмотрению. У вас там что, дача? – спросил я дочку кролиководов.

– Не дача, а дом в деревне. Но большой дом.

– Да, да, – подтвердил я. – Дом большой плюс постройки на участке для подсобного хозяйства. В общем, они там стали кроликов разводить. Давно уже, несколько лет как. Так как там их кроличья ферма, процветает?

– Нормально, – ответила Жека. – Тушки, шкурки – производство, одним словом, вся деревня участвует. Они расширились и что-то типа колхоза организовали. Под своим, конечно, научным руководством. Жутко подняли народное деревенское благосостояние, не говоря уже про свое. Ну и мое

тоже немного приподнимают.

– Вот, – сказал я поучительно, обращаясь в основном к Инфанту, – видите, как все хорошо выходит, когда с умом. – А потом снова к Жеке: – А папка как – все меня небось недобрым словом вспоминает? Во сне небось моим именем бредит?

– Да нет, – отмахнулась девушка, – он отходчивый и не злопамятный. И вообще ему кролики важнее каких-то там… – И она намекнула на меня.

– А что случилось-то? – поинтересовался Илюха, который не был ни биологом, ни кроликов никогда не разводил. За всю свою жизнь так ни одного и не развел. Я даже не уверен, что он повышал чей-то жизненный уровень, хотя целыми днями участвовал в своей экономической науке.

– Да, – отмахнулся я, – история одна щекотливая.

– Он тебя защекотал, что ли? – всплыл Инфант, который вообще с Жекиным появлением сразу взбодрился, приподнялся духом и стал приноравливаться к жизни. Вот как новость про хвостики, растущие у девушек сзади, влияет на парней. На всех, даже доселе унылых.

– Давай-давай, рассказывай, – приободрил меня Илюха.

Я посмотрел на Жеку.

– Евгения, – проронил я, – я-то не против с товарищами поделиться. Все от тебя зависит, твоя честь в этой истории, сама знаешь, довольно сильно замешана. Девичья честь. Но если ты за нее не опасаешься, то я могу рассказать. А ес-

ли не хочешь, то и не буду. В общем, сама решай.

– Да ладно, чего там, давай чеши языком, повесели всех напоследок. Ведь кто знает, может быть, после скорой попытки изнасилования вам так вольно посидеть, поболтать больше и не придется. То есть посидеть-то, возможно, и придется, но только в разных камерах. Потому что подельников в одну камеру не сажают.

– Ты чего говоришь такое?! – накинулись мы на нее.

А зря накинулись, нам бы прислушаться к умной Жеке, заново взвесить шансы, подумать о всех возможных последствиях… Но мы не подумали, не взвесили, мы всегда безалаберными в таких делах были. И как показали последующие события, совершенно напрасно.

– К тому же моя честь тренированная, – продолжила Жека. – Она и не такое выдерживала. Как бы ее ни пятнали, ни пытались замарать, она, как жена Цезаря, в любом случае вне подозрения.

– Итак, – начал я, стараясь эпически, – мне потребуется перенести вас, друзья, года на три назад, когда сил у меня было еще немерено, да и желаний невпроворот. На это счастливое время и выпал наш роман вот с этой самой симпатичной девушкой. – И я указал на Жеку. – Хороший выдался роман, искренний, сексуальный. А главное, что в результате перешел он в тесную и надежную бессексуальную дружбу, в которой и пребываем мы благополучно до сих пор. Такие переходы редко встречаются, и потому когда встречают-

ся, то ценить их надо и лелеять. Так как если удалось отношениям пережить кончину сексуальных будней и удержаться при этом без обид и взаимных претензий, то выходят они из этого горнила закаленными, как дамасская сталь.

– Какая? – поинтересовался Инфант.

– Дамасская, – повторил я, – город такой есть. Далеко отсюда.

– Там сталевары живут? Сталь варят? – снова спросил пытливый Инфант, который в связи с необразованным детством все впитывал и впитывал, чтобы хоть как-то восполнить свои пробелы. Которые в принципе восполнить было невозможно.

– Да многое они там варят, особенно в последнее время, – ответил я расплывчато. – Хотя ты бы лучше, Инфант, вместо того, чтобы географией так пристально интересоваться, лучше бы поинтересовался девушками. Девушки для тебя сейчас важнее географии.

– А я интересуюсь. Уже целых двадцать восемь дней, – попытался продолжить диалог Инфант, но никто ему не позволил.

– Так вот, Жека в то время проживала еще в родительских своих пенатах недалеко от станции метро «Академическая», и порой, когда я слишком поздно у нее засиживался, я оставался на ночь, и даже на утро, и даже на начало полдня. Завтракал там на кухне в одиночестве, кофе распивал, в окошко на играющих в песочнице деток поглядывал. Дело в том, что

Жека тогда уже в рекламе работала, а рабочая дисциплина, когда дело о деньгах заходит, строгая и требовала от нее являться на работу ровно к девяти как штык. А вот от меня никто ничего не требовал – ни к девяти, ни к десяти, даже к одиннадцати не часто звали. Да и вообще у меня с работой, с той, которая методичного присутствия на службе требует, всегда несогласованность выходила.

К тому же кому охота рано на работу, особенно если поздно засиделся у девушки, с которой у тебя недвусмысленные физиологические отношения? Бурные порой, несмотря на подступающее утро. Я вообще удивляюсь, насколько у женщин чувство долга сильнее нашего развито, особенно по отношению к работе и прочим бытовым обязанностям. Как они ухитряются так – и в секс с головой погрузиться, и при этом о всяких несущественных мелочах не забывать, типа времени прихода на работу. Вот мы, например, если в секс погружаемся, даже если не полностью, не с головой, а только по грудь, для нас все равно тогда все остальное – весь этот параллельный мир – сразу побоку медленно проплывать начинает. И мы его только по общим очертаниям успеваем различать. А вот они, женщины, все равно ни одну деталь мимо не пропускают. Как они так ухитряются? Ну я понимаю, если бы они в сексуальном процессе сачковали, только вид бы делали, что он их по-настоящему интересует. А то ведь не сачкуют, я вглядывался, многие с душой ему отдаются.

– Ну да, даже опыты такие научные проводили, – согласился Илюха, который в силу своего профессорства про науку мог кое-что порассказать. – Там мимо двух трахающихся кошек мышку бегущую пускали. Так вот котик никогда на мышку не отвлекался и не прерывал любовного процесса. А вот кошечка отталкивала партнера и ни разу не дала мышке улизнуть. И только потом с мышкой в зубах готова была возобновить откровенные отношения с так и не врубившимся ни во что, по-прежнему мурлыкающим котом.

– Неужели в науке такие опыты проводятся? – искренне удивился Инфант, который к научному миру всегда относился нереалистично возвышенно.

– У нас в науке еще и не такое проводят. Ты бы знал, какие они опыты в экономике ставят, – заверил его Илюха.

– Чего, тоже на трахающихся кошках? – снова изумился легковерный Инфант. – Или, как в медицине, на мышах?

– Ну, что-то вроде того, – уклонился от откровенного ответа Илюха и увел Инфанта в сторону от экономической темы. – А о чем кошачье поведение говорит исследователям? Да о том, что женщины выживают лучше. Они и к сексуальному удовольствию, и к воспроизведению потомства, и к одновременной добыче пищи постоянно готовы. А мы плохо выживаем, мы только что-то одно осилить можем – или пищу добывать, или потрахаться. Да и то нам перерыв нужен между первым и вторым. Ну а то, что мы не осиливаем, мы теряем скоро.

– Да, – согласилась Жека, – это правда, вы плохо подготовлены к выживанию. Поэтому мы и стараемся ради вас, порой не жалея себя.

Тут все мы вздохнули и полностью согласились с Жекой.

– Ну и чего там у тебя дальше случилось? – запросил продолжения рассказа Илюха.

И я продолжил:

– Так вот, Жека вставала рано, когда я еще видел лучшие свои сны, и тихонечко шла на кухню кофейком утренним взбодриться. А еще через десять минут она на цыпочках подкрадывалась ко мне и целовала меня куда-нибудь в периметр лица. Такое вот нежное прощание перед дневной разлукой. И хотя я по утрам сплю особенно глубоко, но трепетное касание ее губ явно добавляло радости моим ярким предрассветным сновидениям. И там, у себя во сне, я понимал – вот он, мой долгожданный, утренний поцелуй.

На этих словах я прервал повествование и посмотрел на Жеку.

– Я не слишком ностальгирую? Накал романтического повествования тебя не смущает? Сердечная мышца не свербит от недавней памяти?

Но Жека лишь улыбнулась своими мечтательными загадочными губами, а потом ими же, губами, послала мне через кофейный столик поцелуй. Впрочем, теперь только воздушный. В общем, я так ничего и не понял.

– И тем не менее не все у нас гладко выходило, – про-

должил я. – Дело в том, что все кровати в трехкомнатной Женькиной квартире были односпальные. Даже родительские. И расставлены друг от друга на некотором расстоянии. Почему так с родителями произошло? – не спрашивайте меня, не знаю. Да и не важно, мало ли у кого какие сексуальные причуды с годами совместной жизни вырабатываются. Короче, факт тот, что на находящихся в доме постельках двум взрослым существам – мужчине и женщине – было не уместиться. То есть можно было, но очень тесно и скрюченно.

– А как же вы… – начал было Инфант, но я его прервал:

– На время любовного угара такое даже неплохо, когда некуда тебе отстраниться. И скрюченность тоже не мешает, даже способствует в некоторых ситуациях. Так что в угаре мы никогда на узость не жаловались. Ни друг другу, ни знакомым. Более того, когда мы затихали, обессиленные, то так не хотелось расставаться, так плотно стягивались мы телами, что снова не замечали узости. Да и потом, когда Морфей накрывал нас с головой вместе с рассветом…

Тут я заметил, что Инфант снова приоткрыл свой зубастый рот.

– Про Морфея потом объясню, – опередил я его. – Так вот, даже когда засыпали мы, то засыпали в удобстве, потому что какое другое тебе удобство требуется, кроме тепла любимого человека рядом?

– Действительно, – синхронно закивали головами слушатели.

– Но вот после часа-полутора совместного глубокого сна начинают тобой овладевать совсем другие инстинкты и чувства, связанные с пошлыми физическими неудобствами… Например, повернуться порой хочется на другой бок. Ну хотя бы разочек за ночь, а то рукам и ногам становится тяжело от долгого однообразного лежания в единственной позе. И затекают они от неудобства. Да и постоянное ощущение реальной опасности от нависшего под тобой обрыва кровати… Ты ведь даже интуитивно понимаешь, что пропасть близка. Но вот насколько глубока она – этого во сне ты точно определить не можешь.

– Бедненький, – вздохнула Жека. А вот чего в ее вздохе было больше – сочувствия или иронии, – этого я снова разобрать не сумел.

– Короче, – продолжил я, – где-то посреди утра становилось не то что неудобно – нестерпимо становилось. И я просыпался, и вот в таком наркотическом состоянии вставал и в чем мать родила отваливал в соседнюю родительскую комнату. Где и бросал свое тело, не разбирая, в одну из двух находившихся там односпальных кроватей. Подчеркиваю: отваливал в чем мать родила, потому что не до одежды мне было. Так как владело мной лишь желание спокойного глубокого отдыха на отдельной, пусть и односпальной, плоскости. И вот, как добирался я до нее, как попадал в ее мягкие объятия, так и погружался обратно в сон, и ничего меня больше не тревожило, только твой, Жека, нежный поцелуй

поутру. Потом я так же из сна слышал щелчок закрываемой за тобой двери и снова оставался со своими чуткими сновидениями в полностью пустой теперь уже квартире.

Я выдержал паузу в ожидании возможных вопросов, так как подошел к самой драматической части своего рассказа. Но вопросов не последовало, и я пустился в драматическую часть.

– И вот в одно такое утро предаюсь я, значит, наслаждению безмятежного сна и вдруг чувствую – тревожит его кто-то. Через хрупкую, отделяющую от реальности паутину слышу, что сверлит замочную скважину входной двери чужой ключ. Долго сверлит, упорно, и главное, я представления не имею, кто именно им так настойчиво орудует. И пока я разрываю паутину и прихожу окончательно в себя, замок отмыкается, и я понимаю, что неизвестный мне человек уже в квартире. В которой, повторю, я один-одинешенек. Абсолютно голый. Лишь под простыней. Да еще в чужой кровати, да еще в спальне родителей. Которые, кстати, тоже не мои.

– Наконец-то интересно становится. Хоть какой-то сюжет. А то все постель да постель, – теперь уж без всякого сомнения иронично вставила Жека и снова послала мне воздушный поцелуй. Тоже, без сомнения, ироничный.

– В голове мелькают два варианта, – стал я раскручивать сюжет. – Первый – что это, конечно, грабители, домушники, которые подкараулили, когда хозяйка из квартиры на работу выпорхнула, а сами с помощью отмычек в дом пробрались.

И как теперь, завидев меня, единственного живого свидетеля, они будут выходить из создавшегося положения? Вдруг они, не найдя в квартире крольчатых шкурок и тушек, меня за единственную тушку примут? Хотя по размеру я намного больше любого кролика… Иными словами, мне разом сильно стало очень стремно и вообще не по себе.

– Бедненький, – снова пожалела меня Жека, но теперь я снова не понял, серьезно это она или опять смеется.

– Но было и второе предположение, не менее вероятное, но куда как более стремное. А вдруг, подумалось мне, это родители ее, Жекины, поутру в квартиру проникли? И содрогнулся я от такого предположения – лучше уж домушники. Потому что, насколько я читал, домушники на мокрое дело редко идут, специализация у них не та. А вот от родителей, заставших в своей постели неизвестного им человека, однозначно обнаженного и однозначно мужской комплекции, разного можно ожидать. Им, если они разгорячатся не в меру, любая мокруха запросто по плечу.

– Горе ты мое… – снова проговорила Жека, как мне теперь показалось, с сочувствием. – Ты вправду перепугался?

– Еще как, – подтвердил я. – Хотя в принципе если при обычных обстоятельствах, то ничего страшного, казалось бы, не произошло. Ну оказался ты в чужой квартире, не хорошо, конечно, но объяснить-то ведь можно. Мало ли, в гостях засиделся, был оставлен хозяйкой на ночь. Подумаешь, делов – вышел в коридор, представился, объяснил все по-

людски, поздоровался, руку пожал. Может, он, родитель, и будет ошарашен на первое время, но потом отойдет и, глядишь, поймет тебя, и утрясется все в результате. Вместе чай станете на кухне пить, о жизни беседовать. Или кофе. Впрочем, это идеальный такой сценарий. А реальная жизнь от идеала, как правило, увы, далека.

– Это точно, – вставил свое короткое слово Инфант. – Очень далека.

– Потому что не мог я встать, представиться, руку подать, – начал оправдываться я. – Неприлично мне было руку подавать в полностью неприкрытом виде. Не то что я смущаюсь своего тела, нормальное оно у меня… Но вот так трясти руку незнакомому человеку, потряхивая при этом другими оголенными своими частями… Нет, такой непоколебимой уверенности в своих физических достоинствах я еще не достиг. Ведь не какой-нибудь я Давид, вырубленный мастером Буонарроти.

Тут я краем зрения заметил, что Инфант, боясь меня перебивать, начал по поводу Буонарроти дергать за рукав сидящую рядом Жеку. Но та свой рукав освободила.

– Конечно, я бы мог тихонько приодеться, прикрыть, так сказать, срам одеждой, а потом как ни в чем не бывало предстать перед посетителем. Мол, здравствуйте, извините, что не сразу вышел вас встречать. Но беда в том, что никак не выходило приодеться. Потому что когда я из Жекиной девичьей светелки эмигрировал, то оставил всю свою одежду

именно в светелке, да еще разбросанную в полнейшем беспорядке. Так что быстро не собрать. Особенно если сам находишься совсем в другой комнате.

– Да, ситуация… – понял меня Илюха, который, похоже, оказался единственным, кто меня полностью понимал.

– И вот лежу я, не шевелясь и не дыша, и слушаю шаги человека в коридоре. Направленные, кстати, именно в мою сторону. А вскоре вижу мелькнувшие в проеме открытой двери очертания в профиль, и тут же догадываюсь, что домушником в квартире и не пахнет. А пахнет, наоборот, родителем. Потому как слишком нетипично интеллигентный профиль у домушника оказался, не бывают домушники с такими профилями. А вот отцы-родители, да еще дипломированные биологи, – бывают часто.

И понимаю, что остается у меня три пути, как у того бедолаги витязя на распутье. И в каждом я могу, как тот витязь, чего-то приобрести, но чего-то существенное и потерять. Первое – я могу обернуться в простыню наподобие древнего римского сенатора и в таком величественном виде двинуть в коридор для рукопожатия. Или вот вам другое сравнение со многими зарубежными кинофильмами, в которых актриса отказывается сниматься нагишом. Там режиссер тоже закутывает ее в простыню чуть поверх ее соблазнительных грудей, чтобы она могла встать и профланировать перед камерой и многочисленным съемочным персоналом.

– Но ты ж не актриса, – справедливо заметил Илюха, ко-

торый, похоже, с каждой минутой понимал меня все лучше и лучше.

– В том-то и дело, – согласился я. – Ни сенатором в тоге, ни актрисой в простыне перед съемочным персоналом я себя никогда не ощущал. И кроме того, я легко мог подставить себя на место этого самого папаши. Представляете, является вдруг тебе на глаза в собственной законной квартире абсолютно неведомый сенатор в тоге на босу ногу, в смысле, в простыне. Да еще сдернутой именно с твоей любимой спальной кровати. Кондрашка запросто могла схватить такого папашу и легкое заикание, растянутое на долгие годы. А я, Жека, твоим родителям вреда наносить никак не желал.

Тут Жека послала мне через кофейный столик еще один воздушный поцелуй. На сей раз благодарный. Видать, оценила заботу о здоровье своих близких.

– Был и второй вариант: прокричать что-нибудь прямо отсюда, из спальни. Типа: «Доброе утро!» Или: «Как поживаете?» Но при такой моей инициативе дело могло выйти за рамки обычного родительского заикания. Потому как встать с кровати и подтвердить приветствие своим присутствием я, как уже говорил, не мог. Да и опять же, представьте, пришел ты наивно в свою собственную квартиру и слышишь – окликает тебя кто-то из ее глубины с разными пожеланиями. А после оклика снова тишина – ни шороха, ни вздоха. Что тебе делать? Скорее всего на кухню спешить за самым длинным и заточенным ножом. А я хотел избежать

конфронтации, не нужна она мне была совсем. Потому как если бы глупая схватка и завязалась, то проиграл бы я ее вчистую. Так как добровольно не стал бы я оказывать никакого сопротивления.

Тут я тормознул с повествованием и обвел взглядом комнату. В ней были по-прежнему люди, но они меня не перебивали. Хотя, наверное, и им было что порассказать.

– Здесь друзья, я хочу чуть отдалиться от сюжета, – предложил я, – и поделиться с вами одним давним наблюдением. Про силу морального духа, о котором не только Лев Толстой на последних страницах «Войны и мира» рассуждал.

Так вот, вспомним, помимо Льва Толстого, стандартную завязку любого анекдота. Муж неожиданно возвращается из командировки, а жена с любовником. И любовник в смятении и душевном беспорядке тут же пытается либо в окно, либо в шкаф, либо еще как. В зависимости от анекдота. Вопрос: почему он так стремится скрыться? В конце концов, он же может встретить законного супруга лицом к лицу. Конечно, несложно возникнуть и потасовке, даже среди интеллигентов несложно ей возникнуть. Хотя среди этих, конечно, вряд ли.

Но почему каждый любовник пытается избежать потасовки? Почему он предпочитает скрыться, почему он патологически боится любого, даже худосочного мужа? Он же любовник! И по своему определению должен превосходить му-

жа качеством и количеством своего мышечного и прочего тела, да и бодростью духа должен превосходить. Во всяком случае, с точки зрения жены, или по-другому – любовницы. Ведь именно за эти его достоинства – повышенное качество тела и духа – она его скорее всего и выбрала, и предпочла командировочному мужу.

Но нет. Народная мудрость уверяет нас, что любовник всегда стремится избежать непредвиденной встречи. И постыдно ретируется. «Почему?» – спросите вы меня, – обратился я к собранию, хотя оно ничего не спрашивало. – Да потому что он всерьез опасается встречи с мужем, справедливо полагая, что не выдюжит возможной стычки и пострадает в ней.

А все оттого, что моральная сила не на стороне любовника. Не может он, какой бы увесистый и нагулянный ни оказался, еще больше обидеть супруга. Ну как можно? Мало того, что он супруга с помощью его жены уже сильно обидел, так еще после такого и морду ему набить. Нет, не может нормальный, человечный любовник пойти на такую жестокую несправедливость.

Потому, Жека, я и обращаюсь к тебе, – обратился я к Жеке, – может, ты и не знаешь, но мужики, хоть и животные двуногие с одной всего-навсего головой, но моральные принципы в них природой от рождения заложены. Не во всех, но в основном заложены.

И тот, который любовник, он, несмотря на явное удоволь-

ствие, получаемое от чужой жены, в глубине себя супруга ейного жалеет и сочувствует ему всей душой. Потому как понимает если не умом, то сердцем, что мы все есть в основе своей – супруги. Рано или поздно, больше или меньше, напрямую или лишь в каком-то смысле, но мы все – супруги! И все своим супружеством потенциально уязвимы! И с нами такое запросто может случиться, и на нас найдется управа в виде крепкого, налитого, вызывающего эрекцию любовника. Не у нас вызывающего, а у дорогих наших подруг.

И не может поэтому любовник, который, повторю, сам в душе немного супруг, не может он оказывать законному семьянину сопротивление. Моральный дух для такого сопротивления у него сломлен. Потому и ретируется он, то в окно, то в шкаф, то куда удастся.

Я посмотрел на людей, сидящих вокруг. Они слушали и реагировали, кто улыбкой (Жека), кто одобрительными кивками (Илюха), а Инфант, тот вообще приоткрыл свой зубастый рот. Настолько интересно ему оказалось познавать не познанный доселе мир.

– Ну а при чем тут ее родитель? – стал спрашивать он, подразумевая все-таки Жекиного родителя.

– А вот при чем, – вспомнил я. – Если бы я опрометчивой своей оплошностью вызвал у него приступ агрессии, тогда не поздоровилось бы мне. Ведь я так или иначе, но оказался в чужой постели, как тот самый любовник, не умеющий и не могущий противостоять справедливому мщению.

И прибил бы меня тогда родитель. В конце концов, для некоторых отцов, пусть даже и взрослых дочерей, чувство мщения за дочь вполне соизмеримо с таким же чувством за свою жену. В общем, второй вариант – выкрикивать приветствия лежа, укрывшись в кровати, – показался мне не очень удачным.

– Да, наверное, – согласился Илюха, который так искренне проникся моим щекотливым положением, что не меньше меня пытался найти из него выход.

– Был, конечно, и третий путь, – продолжал я. – Выскочить, стараясь незаметненько, из родительской спаленки и проскочить в твою, Жека, комнату, туда, где комкались сброшенные в беспорядке на пол мои спасительные вещи. Пусть не все бы я успел натянуть на себя, пусть только нижнюю часть нижнего белья. Потому что маек я не ношу. Но хотя бы успеть прикрыть свой самый отчаянный стыд. Так как никогда я не был нудистом и эксгибиционистом тоже не был никогда.

На последнее длинное слово Инфант мгновенно отреагировал и встал в познавательную стойку. Но скоро ему пришлось из нее выйти.

– Но перебегая из комнаты в комнату, – не отвлекаясь, продолжил я сюжет, – мне пришлось бы издавать шум и шорох. А если опять поставить себя на место родителя, то приглушенная перебежка да мелькающая тень в простыне собственного коридора могли вызвать у него подозрения: а уж

не завелись ли в доме приведение или другие бесполые духи? Хотя нет, духи пятками о паркет не шумят и к трусам так безудержно не стремятся. И опять же напугаться мог сильно родитель. А от напуганного человека – хрен его знает, что от него ожидать. Может, инфаркта, а может, и ножевого нападения.

– Ну и чего ты сделал? – осведомился Илюха, который хоть и пытался найти выход из моей безвыходной ситуации, но, похоже, не получалось у него.

– Был, конечно, еще и четвертый путь, как и у того витязя на перекрестке. Он же тоже мог с перекрестка повернуть назад, туда, откуда только что прибыл. Просто он не догадался. А я вот догадался и потому решил не выбирать никаких путей, не дерзать попусту, а отдаться на милость великодушного случая. В конце концов, что тут особенного? Утро, я в постели, никого своим видом не оскорбляю, не эпатирую, потому как безупречно прикрыт простыней, да и забот никому не доставляю. Подумаешь, спит человек, утомленный ночными заботами, и отчего ему мешать надо и тревожить его до срока? Как в той песне, помните: «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат». Хотя родитель скорее всего свистать по-птичьему не умел.

– Ха, ха, ха… – оценил шутку про родителя Инфант, но никто его не поддержал.

– Короче, принял я самое конформистское решение – не рыпаться никуда, не дергаться, а застыть в ожидании

и притвориться глубоко спящим. Авось вообще не заметит. В конце концов, чего ему в рабочий день в квартире болтаться? Сделает свое дело и отвалит. И освобожусь я. К тому же, может, он сюда, в мою… то есть в его комнату и не заглянет даже. И пронесет меня лихая на колченогих своих лошадях.

– Колченогих? – встретил очередное незнакомое слово Инфант.

– Не знаю, – быстро ответил я, потому что действительно не знал. – Помню, что есть такие лошади, но кто они, чем отличаются, какая такая «колча» у них на ногах? Не знаю, никогда не интересовался.

– Зачем тогда говоришь? – стал критиковать меня сразу Инфант, а вот Илюха заступился:

– Ладно, Инфантик, не переходи на галоп, – натянул Илюха вожжи, и Инфант застыл на месте. – Так чего, стариканер, дальше было? Давай рассказывай, а я пока выпью немного.

– Так вот, притворился я, значит, спящим. Хотя, как оказалось, притворяться спящим не так-то просто. А все оттого, что повернуться из-за шороха нельзя, вот все сразу, как назло, и затекать начинает – руки, ноги, суставы, мышцы. И вообще, неожиданно оказалось, что это очень утомительно – без дела утро впустую пропускать. Раньше, когда добровольно пропускал, всегда естественным и нормальным казалось. А вот когда на осадном положении, когда не свободен, то сразу утомительно стало.

– Все от головы, – закивал мне Илюха, осваивая мас-

сивный глоток. – И не только когда притворяешься. Когда не притворяешься, от нее тоже многое зависит.

– А тот, который родитель, он все копается где-то там за стенками, и я вообще уже не понимаю: ну чего ему там нужно, почему столько времени все это занимать должно? Которое все катило и катило, без остановки. Сколько накатило – не знаю. Может, час, а может, и три, и я все лежал и лежал, прислушиваясь. Оказалось, что это пытка такая изощренная, которая не только на тело, но еще и на психику действует разрушительно. В общем, полностью выпал я из времени из-за чудовищной, средневековой этой пытки, да и часов на руке не оказалось. Я же говорю – всю одежду в другой комнате оставил. А часы – они в каком-то роде тоже одежда, так как тоже часть тела прикрывают.

– Несчастненький, – снова пожалела меня Жека. – Видишь, как постель может удручать, когда в ней один.

Я посмотрел на нее внимательно. Неужели мой рассказ все же навеял на нее хоть какую-то ностальгическую эмоцию? Но в Жекином смеющемся личике разобраться было непросто. И я не стал разбираться, а вернулся к повествованию:

– А потом все-таки наступила развязка, потому что не могло же так продолжаться до бесконечности. Вот и родитель зашел, наконец, в мою комнату. В смысле, в свою. В смысле, в ту, где я лежал окаменевший, с практически полностью атрофированными конечностями. Там у них справа

у двери шкаф такой стоял, типа горки, вот он в него и полез. Я же говорю, искал он что-то. Так он и роется в шкафу, и меня, затаившегося на кровати под недвижимой от страха простыней, не замечает.

А я знай себе сладенько так посапываю, ладошки под щечку сгреб, калачиком свернулся и даже улыбаюсь безмятежно. То есть стараюсь произвести впечатление максимально беззаботного, такого младенческого невинного сна. Потому что если он на меня все же внимание обратит, то чтоб понял сразу, что только хороший человек с чистой совестью может так безмятежно спать. Что не опасен я и не надо сразу в кухню за ножиком.

И вот сплю-то я сплю, но узкую щель между ресницами оставляю, чтобы пусть не совсем отчетливо, но все же контролировать: как дела у шкафа разворачиваются? В какую сторону родитель поглядывает? В шкаф ли? Или в том числе по сторонам? И он в результате посмотрел по сторонам!

– И как ты его? – подался вперед всем своим телом Илюха.

– И как он тебя? – вслед за ним подался Инфант.

А Жека все смеялась и смеялась своими озорными глазками.

– Какой там Гоголь, какой «Ревизор» с его немой сценой! – откинулся я на спинку, подальше от подавшихся ко мне тел друзей. – Жалко, классик твоего, Жек, отца не видел – враз бы улучшил описание. А я как раз видел, хоть и не классик я. Просто подглядывал из-под ресниц за его

остолбеневшей фигурой, окаменевшим лицом и сбившимися в кучку, тут же остекленевшими глазами. А когда глаза у кого стекленеют, это вообще-то нехороший признак.

Вот и стал я путаться в догадках, все пытался предугадать последующее его движение: либо на кухню побежит, туда где колющие предметы, либо просто накинется душить меня все той же простыней. Либо мне самому надо срочно наплевать на мою наготу и бежать звонить, вызывать «Скорую помощь». Но до конца разобраться мне было трудно, так как все более стеклянные, безучастные глаза у него с каждой секундой становились.

И все же я решил действовать, потому что всегда лучше самому сразу брать под контроль окаменевших мужчин и не дожидаться, пока окаменевшие мужчины начнут брать под контроль тебя. А значит, мне пора было срочно пробуждаться.

И вот, потянувшись сладко и нежно, выбросив вверх из-под простыни свои оголенные ручки и позевывая безмятежно, я открыл не замутненные пока ничем глаза и встретил этот добрый день чистым, полным надежд взглядом. А вслед за днем я встретил остекленевший взгляд вконец остекленевшего человека.

Тут главное было – не делать резких движений, чтобы его остекленелость не грохнулась разом об пол и не разлетелась на мелкие кусочки. Поэтому я плавно улыбнулся ему тоже радостной, открытой улыбкой и произнес чистым, наполнен-

ным искренностью голосом: «Доброе утро. А вы не подскажете, какой сейчас, кстати, час?»

– Так и спросил? – удивился Илюха.

– Слово в слово, – подтвердил я. – А как иначе мне было завязать непринужденный дружественный разговор? А потом меня на самом деле мучил вопрос: сколько часов я так, без движения, пролежал? Может, я рекорд какой зарегистрированный побил.

А он смотрит на меня абсолютно невменяемо, как будто паралич его разбил, затронувший еще и голосовые связки. Потому что в ответ от него – ни слова, ни звука, даже бессознательного. Хотя бы помычал бы, что ли, для приличия.

И понимаю я, что на кухню он уже не побежит, так как, похоже, не умеет он бегать больше, ноги у него отнялись. А вот мне к телефону спешить, видимо, придется. И набирать, набирать второпях номер скорой медицинской помощи. Потому как, может, инфаркт, а может, инсульт, а может, ни того и ни другого, а просто рядовой, тяжелейший шок. В общем, впечатлительный такой родитель мне этим утром попался.

Но пока он еще стоит, думаю, пока еще сам держится на ногах, надо мне продолжать завязывающий диалог. И я продолжил.

«Меня Розовский зовут, – стал знакомиться я. – Хотя близкие люди кто Розиком называет, кто еще как. А один так вообще «лапулей» повадился меня звать. Но его даже в расчет брать не надо, он совершенно неадекватный. Мудила, од-

ним словом».

– Это ты о ком? – поинтересовался Инфант. – Я думал, я один тебя «лапулей» называю. А оказывается, еще кто-то.

Тут я развел руками, вздохнул. Ну ничем этого Инфанта жизнь пронять не могла. Непробиваемый он, как какой-нибудь броненосец «Потемкин». Твердыня, одним словом.

– «А ваша дочь, Евгения, – продолжал я, – та вообще много разных имен для меня придумала. И использует их теперь по-разному, в зависимости от ситуации».

Здесь бы мне, понимаю я, неплохо было бы встать и пожать ему руку, родителю этому. Глядишь, прикосновение моего разогретого сном тела и вывело бы его из шокового клинического состояния. Но, повторю, не мог я встать. Так и продолжал лежать, натягивая на себя простыню, так и говорил оттуда – с узкой, односпальной его кровати. А может, с кровати его жены. А он продолжал стоять остолбенело и не отвечал ничего – видимо, заклинило у него что-то. Либо в челюстях, либо в мозгах.

«Я вчера задержался здесь, в вашей квартире, – продолжал пояснять я. – И Женя мне любезно разрешила остаться».

Он не шевелился, видимо, я плохо объяснял.

«Потому что поздно уже на улице было. Поздно и слишком темно».

Но он все стоял и молчал, и в принципе я понимал, чего именно он от меня ожидает. Он ожидал, что я вот сейчас встану, соберу немногочисленные нательные вещи и отчалю

по своим делам в зрелый уже день. Да я бы и сам с радостью, только вот я не мог встать и не мог отчалить. Во всяком случае, самостоятельно.

– А чего ты не попросил его принести твои вещи из другой комнаты? Ну хотя бы трусы? – предложил новый выход из положения Инфант. Который снова подтверждал догадку, что он непробиваемый броненосец.

– Да потому что не хотелось мне, чтобы в его сознании возникли ненужные подозрения, – пояснил я. – Например, почему трусы оставлены в комнате его дочери? Что это я там делал без них? Уж не то ли самое? Ведь понятно, что разные папаши разных дочерей по-разному к таким своим подозрениям относятся. И по-разному реагируют на них. Что опять же могло привести к ненужным эксцессам.

Итак, родитель продолжал стоять, и заморозка с остеклененелостью просто утолщалась в нем прямо на глазах. Как будто он Кай в царстве Снежной королевы. А я по-прежнему пытался его разморозить, хоть и не Герда я никакая.

– Нет, ты точно не Герда. Герде бы я остаться на ночь не позволила, – убедила меня Жека и снова послала мне очередной воздушный поцелуй. Я к ним стал уже привыкать.

– Пауза растягивалась до критической длины, – продолжал обрисовывать я ситуацию. – Она уже и так заполнила все разом набухшее пространство, и получалось, что мне снова необходимо было находить из нее выход. Но я не знал какой. Не было у меня выхода, кроме одного.

«Вы не возражаете, – спросил я, прикрывая позевывающий рот, – если я еще немного посплю? У меня, знаете, такой тяжелый день выдался вчера, я к вечеру уже просто валился с ног. Я так на работе измотался, и физически, и эмоционально. Совершенно опустошился к концу рабочего дня».

Тут я постарался представить: на какой именно работе я мог измотаться обоими образами одновременно? Я вообще в утомляющих работах не очень осведомлен. Вот они на ум и не приходили. Лишь одна.

«Я, знаете, в цирке укротителем работаю, – догадался я. – С дикими зверями. Так они вчера все так нервничали почему-то, особенно тигры, так хвостами били… А одна, уссурийская, Дусей ее зовут, когда ей надо было через горящий обруч прыгнуть, даже зарычала на меня злобно. Как будто она мне жена. А я ей кричу: мол, «Але, Дуся!», «Але гоп!» – это на нашем дрессировочном сленге «не бжи» означает. А она лапой по воздуху молотит и огрызается вслух и никак прыгать первой не хочет. Мне, знаете, столько сил надо было потратить, чтобы их всех успокоить, я просто извелся весь сам. Пришлось даже самому пару раз через обруч сигануть. Правда, он уже потух к этому времени. Не знаю, может, чего в атмосфере вчера было аномальное. Вы, случаем, не слышали сообщение Гидрометеоцентра?..»

Вот это было правильно, мне давно уже следовало отвлечь его вопросом, ввязать в обоюдный диалог. Ну не может же человек так долго стоять, не шевелясь и не произнося ни сло-

ва.

«Нет», – ответил наконец родитель и от своего собственного голоса тут же пробудился, как та царевна от поцелуя. Хотя никто его не целовал. Ну и наконец-то! Ну и слава богу! А как пробудился, так тут же рванулся из комнаты. Хоть и не вприпрыжку, но все равно торопливо.

– И куда это он? – изумился Инфант.

– Вот и я не понял, – на сей раз разделил я Инфантово изумление. – Так и лежу я обеспокоенный и тоже не знаю, куда именно он намылился. А вдруг, думаю, на кухню, вдруг подтверждаются мои самые печальные предположения? Короче, не по себе мне стало, сон, можно сказать, как рукой…

Так и есть, не прошло и минуты, как он снова вбегает в мою комнату, и снова впопыхах. И тут я с облегчением понимаю, что в руке у него совсем не топорик для кулинарной разделки мяса и даже не ножик для резки хлеба. А небольшой такой чемоданчик. Вполне округленный, без острых, назойливых углов. И тут же он его раскрыл и начал что-то из серванта вынимать и складывать. Мне, конечно, интересно было, что именно, но я из деликатности не приглядывался. Какое мне дело, у каждого человека есть свои дорогие сердцу вещи, которые он не доверяет постороннему дрессировщику диких зверей. И хочет унести из собственной спальни, пока дрессировщик будет там отсыпаться.

«Так вы не против, – повторил я вопрос, – если я посплю еще? У меня вечером представление в цирке, и мне в фор-

ме надо находиться. Потому что эти звери, они как женщины, они психологи такие, прямо в глаза заглядывают. И если слабинку там разглядят, или неуверенность, или усталость, то тут же выходят из повиновения. Тут же начинают одеяло на себя ожесточенно тянуть. А эта уссурийская тигрица, Дуся, она вообще ревнивая такая сразу делается, никого ко мне больше не подпускает. На всех рычит и лапой норовит по зубам. Но и остальные не лыком шиты и тоже ко мне поближе притиснуться пытаются. Вот и опасно тогда с ними со всеми становится. Тигр, он если возбужденный, одной массой своей может любого человека задавить. Такие случаи в практике дрессуры известны. Вот нам и нельзя с ними слишком накоротке, всегда дистанцию приходится поддерживать».

Родитель оторвался от своего чемоданчика, посмотрел на меня заново и снова стал собирать пожитки. Еще интенсивнее и лихорадочнее.

«Спите, спите, – пробурчал он впопыхах. – Что ж я, не понимаю… дикие звери…»

И он оборвался на многоточии. А потом снова убежал и снова прибежал, но уже с другим чемоданчиком, уже побольше, и снова все собирал и собирал. Оказалось, Жека, что из вашей квартиры многое можно было собрать.

Впрочем, меня это уже не интересовало, я уже, получив разрешение, спал глубоко и ровно дыша, и только узкая щелка между ресницами напоминала мне о копошащемся в квартире человеке. А перед уходом он снова окликнул ме-

ня.

«Дверь перед уходом захлопните», – попросил он вежливо.

Я тут же пробудился.

«Да у меня ключи есть, мне Евгения, дочка ваша, оставила. Я запру лучше».

«Ага, – сказал он, соображая. – На нижний только не запирайте».

«Конечно», – согласился я в радостном предвестье свободы.

И он ушел с двумя полностью нагруженными чемоданчиками. А я лежал и думал: зачем они ему сдались? Ну неужели я произвожу впечатление человека, который может посягнуть на чужое из шкафа? Или дрессировщики не только у диких животных опасение вызывают?

Я так и не понял, а потом облегченно встал и пошел звонить тебе, Жека, чтобы предупредить тебя вовремя. Правда, сначала оделся и умылся, и позавтракал слегка.

«Жек, тебе тут скоро папка будет звонить», – предупредил я тебя.

«Какой папка? – спросила ты. – Чей? Ты чего! Мой отец в командировке, в Самаре на международной выставке высокопородистых, высокоплодящихся кроликов».

Сначала я опешил, потом сразу оказался ошарашен, а после, почти без перехода, меня осенило. Но нехорошо так осенило.

«Ты уверена?» – спросил я, чтобы выиграть время.

«А то, – подтвердила ты. – А в чем, собственно, дело? Чего-то я ничего не понимаю».

«Блин, – вырвалось из меня не свойственное мне вообще-то слово. А потом снова, но уже другое, хоть и созвучное. – Похоже, тебя, Жека, обокрали. Да еще по-крупному».

«Как обокрали? Кто? Ты же дома был? Ты что, не задержал вора? Проспал, что ли?»

«Да я не знал, – стал оправдываться я. Но по всему получалось, что оправдываться было поздно. – Кто ж мог подумать?! – кричал я в трубку, брызжа слюной, коверкая слова, запинаясь, перебивая одной своей фразой другую. – Я был уверен, что это твой отец. Я думал, это он от меня ценное изолирует. Подумал, что он во мне дрессировщика испугался. А оказалось, что домушник! И получается, я вообще мог его не стесняться и попросить мою одежду из другой комнаты принести».

«Какого в тебе дрессировщика? – не поняла Жека. – Там еще дрессировщик в тебе был? Ты что, как только я ушла, дрессировщика в квартиру пустил? Тебе меня одной мало оказалось? Вот почему ты от меня ночью в другую комнату уходишь».

«Да я сам дрессировщик! Диких зверей! Я так твоему отцу насвистел. Вернее, домушнику», – признался я.

«Откуда у нас дикие звери? – не унималась с расспросами Жека. – У нас только собачка Дуся имеется, которую

я в «Горку» приносила. Но она не дикая. Да и зверь она не больше, чем некоторые из твоих друзей».

– Это она про кого? – поинтересовался Инфант. – Я ведь всех твоих друзей знаю.

Но я ему не ответил, потому что был занят рассказом.

– А потом я молил Жеку простить меня, брал всю вину на себя, обещал возместить. Хоть не полностью, ну хоть частично. Откуда у меня средств на полностью?

«Что там у вас в шкафчиках упрятано? – выбивал я сведения у Жеки. – На какую сумму? Может, я смогу накопить лет за семь и отдать по частям».

«Ну как же, – отвечала она мне обеспокоенно, – фамильные драгоценности. Бабушка у меня по материнской линии графиней Эстер была».

А я в ответ…

– Слышали бы вы его… – встряла наконец Жека, покатываясь в спазмах хохота по Инфантову дивану. – Я ему говорю: «Какой отец, чей? Мой в Самаре. Ты зачем жулика прохлопал? Да еще пособничал, получается». А он мне в ответ… – И она перестала говорить, потому что не могла больше.

Лишь потом, когда отдышалась, продолжила:

– А знаешь, что папка про тебя рассказывал? Говорит, такого кретина давно не встречал, тем более у себя в доме. Тем более в своей кровати. Кто еще, говорит, себя дрессировщиком назовет? Он мне все пересказал, папка. Ты много чего

ему наболтал, не только про уссурийскую Дусю, но и про бурых медведей, про повадки их. Про то, какие они коварные звери, да еще про твой дрессировочный к ним подход. Мол, ты для них должен сам медведем прикинуться. Мол, они верят, что короткошерстные медведи в природе существуют. Вот ты и…

Тут Жека снова тормознула с рассказом и снова сбилась на серию спазмов.

– А потом про кроликов начал всерьез интересоваться, – продолжила она, когда у нее стало получаться. – Сказал, что подумываешь на кроликов перейти. Тоже ведь дикие звери, а дрессура с ними безопаснее, да и жрут они меньше. Бросил им морковки, и достаточно…

Нам опять пришлось подождать, пока она начнет дышать равномерно.

– «Как ты, – говорил мне папка, – с таким кретином можешь? Ведь полный идиот. Он чего – всегда себя за дрессировщика выдает?» Я папку заверила, мол, не всегда. Мол, за кого он себя только не выдает. А папка мне в ответ: «У него чего, сильное раздвоение личности?» А потом: «Ну почему тебя на таких тянет? Ведь сколько хороших ребят вокруг».

И Жека снова загнулась в хохоте.

– Это точно, – согласился с ней Инфант. А я не согласился.

– Почему идиот? – обратился я за разъяснением к собра-

нию.

– Идиот, идиот… – снова воспользовался возможностью Инфант, мелко подхихикивая самому себе.

– Да ладно, старикашка, – намного великодушнее отозвался Б. Бородов. – С кем не бывает? Выступил ты, конечно, слабовато, ситуацию не прорюхал, как следовало бы. Но зато рассмешил всех. Вон на Жеку посмотри.

И мы все посмотрели и тоже принялись смеяться. Потому что невозможно было смотреть на нее и не смеяться. Заразительная она была девушка. Впрочем, почему была? Сейчас она тоже заразительная.

А когда досмеялись до предела и затихли и вино в бутылках полностью оказалось исчерпанным, тогда понятно стало, что пора покидать Инфанта. Хотя он один оставаться не любил, скучно и боязно ему было одному, вот он и искал постоянно компанию. Но на сегодняшнюю ночь компании ему не нашлась. Как и на многие другие темные ночи.

– Не забудьте, – напомнил я на прощание, – завтра получите от меня тексты диалогов. А послезавтра встреча в Сокольниках. Генеральная репетиция изнасилования назначается ровно на шесть. Прошу соблюдать дисциплину и не опаздывать.

– Как про такое позабыть? Как опоздать на собственное изнасилование? Невозможно такое, – согласилась Жека, и мы вышли на улицу.

– Жека, – обратился я к ней, – скажи честно, почему Самара? Почему именно Самару ты выбрала, чтобы именно в нее твой папка за кроликами уехал? Почему не Сызрань, или Ставрополь, или Соловки на крайний случай? Ведь много городов на «с» в стране находится.

– Да шутила я тогда, – прояснила ситуацию Жека.

– Это я давно уже догадался. Но одного не пойму: почему «Самара»? Случайно на язык она попала или имеется в ней какой-нибудь умысел?

– Дотошный ты, – пожаловалась на меня девушка. – Все тебе понять, во всем разобраться, докопаться до корней. Да потому что не живут кролики в Самаре. Не знаю почему – то ли им атмосфера тамошняя не подходит, то ли меридиан для них не тот, то ли их архитектура города не устраивает. Но Самару кролики избегают и сразу там дохнут, такой своеобразный знак протеста. В сорока километрах от Самары они уже приживаются более-менее нормально, а вот в самом городе – ни в какую. Интересная, кстати, научная загадка, многие известные ученые уже давно бьются – не могут разгадать.

Она все продолжала говорить, а мы с Илюхой шли и думали: как же все-таки повезло нам с ней, с Жекой. Редко повезло, чтобы человек в нас так предельно вмастил и отозвался в нас гармонией. Потому как она была просто-напросто нашим… даже не повторением, а добавлением… почти что зеркальным. Не внешним, конечно, но внутренним, ду-

шевным. Да и не только она добавляла нас, но и улучшала во всем. Как те примерочные зеркала в дорогих бутиках. Они и стройнее тебя делают, и одежда, если через них посмотреть, сидит куда как приталинней.

– Молодец ты, Жека, – сказал ей Б. Бородов на прощание.

Она взглянула на него вопросительно, думала, может, он пояснит. Но он не пояснял.

– Давай спи крепко, – сказал я ей. – Завтра встретимся, текст передам.

Глава 7
За двое суток и восемнадцать часов до кульминации

И мы расстались, так как уводили нас друг от друга разные дороги – Жеку в сторону Маяковки, а меня с Илюхой в сторону Пушкинской. Можно было, конечно, и тачку поймать, но зачем? – погода стояла чудная, конец мая, что может быть лучше? Если только начало июня. Да и вообще все было открыто – и поздние рестораны, и примыкавшие к ним забегаловки, да и души и сердца плавно скользящих мимо нас прохожих. То есть с какой стороны ни посмотреть – ночь нашептывала.

– Б. Б., – обратился я после лирического нашего молчания. – Вот ты сегодня о женщинах вопрос поднимал, о их странно устроенной памяти. Сам-то помнишь? А потом мы эксперимент пытались провести, опрос общественного мнения, по телефону. Ну вспоминаешь? Что женщины, если им не понравилось, считают, что не было ничего.

– А, да… – сосредоточился Илюха, – кажется, я что-то типа того действительно сегодня замочил. Понимаешь, дружок, столько мыслей в голове порой роится, что я не успеваю за ними за всеми. Что-то постоянно выпадает.

– Так ты записывай, – посоветовал я.

– Стараюсь, но не всегда получается. Порой мысль руку обгоняет. Понимаешь, не поспевает рука за головою. Так обидно бывает… Начал записывать, наполовину уже вроде бы записал, а потом прерываешься, рука в воздухе повисает.

– Может, у тебя рука медленная, потому и не поспевает? – предположил я. – А голова здесь вовсе и ни при чем?

– Да как в них разобраться, в своих отдельных частях? – не стал спорить Илюха. – Я давно их уже контролировать перестал, пусть живут, как им удобнее. Так чего ты там про опрос общественного женского мнения говорил?

– Да, видишь ли, когда женщин опрашиваешь, чистого эксперимента вообще невозможно провести. Вот, например, если наш опрос взять. Ведь на какой предпосылке весь эксперимент основывается? На той, – ответил я сам себе, – что ты женщине абсолютно не пришелся. Можно даже сказать, окончательно, бесповоротно не пришелся. То есть, иными словами, надо положиться на откровенное женское мнение.

– Ну и что, – согласился Илюха.

– А то, что на откровенное женское мнение полагаться опасно. Особенно в вопросах любви. Сколько примеров перед глазами, что лукавит такое мнение.

– Ты на что намекаешь? – повернулся ко мне лицом Илюха, резко притормаживая свой шаг.

– Да много примеров. Начнем с самого распространенного – с симуляции оргазма. Я при Инфанте не хотел о таком,

знаешь, зачем травмировать. Оргазм вообще вещь деликатная, в него постороннего надо вводить постепенно, с осторожностью. Тем более когда о симуляции речь заходит. Тут если нахрапом, недолго не только психику, но и общее представление о мире повредить навсегда. От такой правды жизни у неподготовленного человека всякие навязчивые комплексы запросто могут выработаться – тут же начнет припоминать и анализировать свое прошлое и переосмысливать его. А Инфанту переосмысливать прошлое – совершенно ни к чему. Он от переосмысления запросто может зачерстветь и осунуться и без того понурой душой. Вот я и не стал при Инфанте.

Я приостановил монолог, но только чтобы дать Илюхе несколько раз кивнуть в согласии головой. А потом продолжил:

– Но между нами, стариканер… Ведь симулируют! И много, часто, у некоторых даже в привычку вошло. Некоторые уже без симуляции вообще не могут, подсели на нее по полной. Без нее, говорят, кайф не тот. Когда просто так, на одной натуральной естественности, то как-то буднично получается, тогда, говорят, не достигаем предельных вершин…

– Ну не все же, – замотал головой Илюха. – И не всегда, и не со всеми. Остались еще чистосердечные, те, кто к природе ближе. Правда, они в основном в глубинке живут. – Тут Илюха качнул головой и вздохнул в сожалением. – А до глубинки нам не добраться. – И он снова вздохнул. – А в боль-

ших городах… Здесь ты прав, старикашка, в больших городах сплошное засилье женской фальсификации. Как будто вирус какой опасный прошел, типа «птичьего гриппа» или «испанки». Хотя я сомневаюсь, что курицы и уточки в своей жизни хоть что-то симулировали. Да и прямолинейные испанские женщины со своими испанскими мужчинами наверняка достаточно откровенны. Не то что в наших северных широтах. У нас симуляция поголовно население охватила.

Теперь я уже покачал головой и вздохнул с сожалением.

– И искусно порой симулируют, – подтвердил я. – Порой не различишь. В смысле, и вслух они звучат вполне тонально – вздохи, выдохи, придыхания, одним словом, да и прочая бутафория. Как будто в театр сходил на хороший спектакль. Ну чего я тебе-то, сам знаешь. Да и внешние признаки налицо…

– Вернее, на лице, – снова встрял Илюха, и снова я с ним согласился.

– Точно, – согласился я. – Губы закусанные, глаза закатанные, улыбка лихорадочная. Знакомая, короче, картина. Но вот вопрос: из души ли все это исходит? От чистого ли сердца? Или просто потому что так полагается – в журналах описано, в кино показано, ну, у некоторых еще от тренировки определенной.

– Думаю, основная зараза от журналов распространяется, – поддержал меня Илюха. – Особенно от глянцевых, женских. Там этот любовный практицизм, эта сексуальная рас-

четливость просто модной делается, просто навязывается нашим читательницам. Я некоторые журналы просматриваю иногда, в сортире в основном, конечно. Ну так, для лучшего понимания населения. Так вот, там основная тема каждого номера – один сплошной секс. Потому что секс продается лучше всего. И так, и эдак они его крутят, и все, повторяю, весьма практично и расчетливо. И про симуляцию часто попадается. А читательницы – они же наивные, вот и принимают все за чистую монету. Мол, раз модно, то и я так начну.

– Ну да, – сказал я с грустью. – А где порыв? Где страсть? Где искренность? В конце концов, любовь, пусть даже физическая, она ведь не очередной вид активного отдыха…

– Розик, – прервал меня Илюха, – тебя, похоже, тема сильно в жизни затронула. Видимо, натыкался ты на нее больно часто. Видимо, твои искренние подруги готовы были имитировать получаемое от тебя удовольствие при каждом удобном случае.

– Почему только от меня получаемое? – не согласился я. – От всех получаемое. Короче, то, что они практикуют на нас свое притворство, – факт доказанный. Непонятно другое: зачем им эта оргазмическая симуляция требуется? Ну что им от нее? Для них ведь ничего ровным счетом не меняется, только лишнее усилие на спецэффекты тратится.

По-видимому, вопрос мой оказался вполне уместен. Потому что мы оба замолчали и задумались. Крепко, глубоко задумались.

– А действительно, – опомнился первым Илюха, – зачем им? В чем их скрытый умысел? Ты молодец, старикашка, под неожиданным углом на проблему посмотрел. Действительно, зачем? Рефлекс, может быть, у них такой природный – подсознательная симуляция оргазма. Хочешь не хочешь, а давай симулируй – рефлекс требует. Другого объяснения не найду. Потому что иначе абсолютно непонятно, для чего им такая симуляция требуется. Не у врача ведь. Не за бюллетенем пришли. Мы ведь бюллетень не выписываем. После нас все равно на работу ходить надо.

Мы снова замолчали, снова надолго. И тут меня осенило.

– Может быть, они ради нас так стараются? Может, они думают, что нам от всего этого еще лучше становится? – предположил я. – Ну, от нераспознанного их притворства.

Но БелоБородов мое предположение не поддержал.

– А мне и так хорошо, – пожал плечами Илюха. – Почему мне от их трудноразличимой фальши еще лучше должно сделаться? Да и куда уж лучше!

Тут я снова закивал, снова соглашаясь.

– А вообще вся эта имитация, она не полезная, – продолжил Илюха. – Более того, вредная она, так как искажает объективную картину. Меня, например, полностью дезинформирует – как себя вести, что предпринимать дальше? По-прежнему ли продолжать, что делал, или поменять что-нибудь? Ведь всегда можно рассмотреть вопрос под другим углом. Или с другой стороны…

– Да, – закачал я в смятении головой, – не понятно, зачем женщинам это все нужно? Мы ведь до такого не опускаемся. Мы ведь свои удовольствия не симулируем. Мы ведь им честно все в лицо, все, что накопилось, – продолжал я горячо, но Илюха меня охладил. Да еще как.

– Почему? – пожал он плечами. – Я симулирую.

И я остановился как вкопанный. Так что Илюхе пришлось остановиться тоже.

– Ты шутишь? – ошарашенно переспросил я.

– Совсем нет. Конечно, симулирую. А чем я хуже их?

Я стоял, Илюха топтался рядом, а улица все двигалась вокруг нас – машинами, трепещущим светом фар, лицами неспешных людей или наоборот – спешащих. И никто, абсолютно никто не догадывался, что вот сейчас, в данную вечернюю минуту открывается для меня необъятно новый мир, который, я уже начал думать, и не существует.

Думал, ничего нового больше мне не открыть, думал, все уже пройдено. А оказывается, вот он рядом, мир, только с БелоБородовым по душам потолкуй. А старый мир с его затасканными догмами и убеждениями рушился прямо на глазах и уносился набежавшим потоком. Куда уносился – понятия не имею. Но понятно, что далеко, откуда нет возврата.

– Давай, Б. Б., рассказывай, делись знанием, – попросил я, очухавшись от первого шока. – Зачем ты так? Для чего? Кому это выгодно?

– Ну как же, неужели непонятно? – ответил тайный сексу-

альный симулятор Илюха, и непрошеная грусть проскользнула в его голосе. – Ведь по-разному бывает. Бывает, что настроение не то, что голова другим забита, вот и сбиваешься с концентрации. Да и не только в настроении дело – бывает, что и партнерша разочаровывает. Хотя такое редко, конечно, происходит, но тоже случается. И тогда пора бы остановить процесс, прервать его как-нибудь, да и то – ну сколько в конечном счете можно? Не трудодень ведь отрабатываешь. А как тут завершишь? Не скажешь же, что надоело, что не хочется больше. Обидишь человека, сильно можешь ненароком обидеть, на всю жизнь. А кадры надо беречь, щадить их надо и под удар не подставлять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.